

МОИ ВОСПОМИНАНІЯ.

I.

.... Меня вывезли изъ Малороссіи девятилѣтнимъ мальчикомъ, — и съ тѣхъ поръ, — цѣлыя 12 лѣтъ я не заглядывалъ на родину. Звукъ роднаго языка изрѣдка, — но поистинѣ — ласкали мой слухъ, когда пріѣзжали ко мнѣ, на праздники, родные: тогда сердце мое билось радостно, на душѣ становилось легко, всѣмъ существомъ моимъ овладѣвали чрезвычайно-нѣжныя ощущенія, и мнѣ отраднo было сознавать — ктo я, откуда, — не затеряться посреди иной народности.

По цѣлымъ часамъ слушалъ я рассказы стараго слуги, обыкновенно пріѣзжавшаго съ матушкою. Трудно было доброму старику отдѣлаться отъ безконечныхъ распросовъ, которыми я засыпалъ его съ перваго дня свиданія. Много сказокъ, много преданій о старинѣ, о козакахъ и запорожцахъ, слышалъ я отъ него; въ минуты хорошаго расположенія, мнѣ удавалось упросить старика и спѣть что-нибудь. Зналъ онъ много пѣсенъ, очень много.... Но никогда я не слыхалъ отъ него ни одного веселаго мотива: пѣлъ ли онъ про стародавнее время, была ли пѣсня сложена уже въ его время — всѣ онѣ были грустны-грустны; не разъ плакалъ я отъ однихъ звуковъ, почти не понимая содержанія, не понимая потому, что старикъ пѣлъ почти сквозь зубы, невнятно, тихимъ голосомъ, точно боялся дать волю голосу и языку.... Я тогда не понималъ причины этой сдержанности; а когда добрался до ея причины и смысла — добрый *Ондрій* отказывался уже пѣть. Потрясенный до глубины сердца какимъ-нибудь тоскливымъ напѣвомъ, я спрашивалъ у него, почему онъ не запоетъ веселыхъ пѣсенъ... онъ обыкновенно отвѣчалъ: *не знаю*.

Иногда пѣла и матушка, но я не такъ любилъ слушать ея пѣнье, какъ Ондірево. Хотя голосъ у матушки былъ лучше, и мотивы также грустны, но замѣтно было, что она пѣла ихъ такъ потому только, что заучила отъ другихъ, и что не знаетъ иныхъ пѣсенъ. Совѣтъ не то впечатлѣніе производило пѣніе Ондіря: онъ пѣлъ будто не подозрѣвая, что такъ всѣ поютъ, и кажется, еслибъ онъ и не никогда слыхалъ тѣхъ пѣсенъ—все-таки запѣлъ бы ихъ тѣмъ же тихимъ, унылымъ, но страстнымъ, прочувствованнымъ напѣвомъ, словно душа его пѣла. И вотъ отчего, теперь, когда Ондірій давно умеръ, я не иначе представляю его себѣ, какъ сидящаго на сундучкѣ, на скамеечкѣ, вообще на чемъ-нибудь очень низенькомъ, упершаго локтями въ колѣни, съ глазами, устремленными почти безсознательно на одну точку, и въ полголоса мурлыкающаго что-то невыразимо-грустное. Вспоминая Ондіря, я совершенно ясно сознаю причину грусти, которой печать лежитъ на всѣхъ народныхъ украинскихъ пѣсняхъ; я понимаю, почему, всякій разъ, соглашаясь пѣть мнѣ—*паничѣ*, онъ пѣлъ, какъ бы не-хотя, словно поневолѣ; понимаю, почему въ голосѣ у него не было всей силы, свободы, точно изъ груди его неслоь подавленное, будто сдержанное страхомъ, рыданіе; понимаю, отчего онъ говорилъ, что не знаетъ веселыхъ пѣсенъ, и говорилъ это такъ, будто не долженъ былъ ихъ знать... Дѣйствительно, странно было бы въ его положеніи, и неестественно, запѣть что-нибудь веселое: чистый душой и сердцемъ, Ондірій ни съ кѣмъ не могъ лукавить, и меньше всего съ самимъ-собою. Безъ свободы, безъ искры надежды на нее, онъ могъ только мечтать о вольномъ быломъ, котораго ему не пришлось испытать, да скорбѣть о настоящемъ, всю тяжесть и безвыходность котораго онъ извѣдалъ въполнѣ.

Такъ, подъ свѣжимъ, нѣжно-грустнымъ впечатлѣніемъ, навѣяннымъ на меня ласками горячо-любившей меня матери и печальными напѣвами Ондіря, разставался я съ ними, когда приходило время уѣзжать имъ домой. Грустный, возвращался я въ школу, гдѣ долго въ ушахъ моихъ звенѣли родные звуки и напѣвы. Съ неописаннымъ восторгомъ мечталъ я о счастливомъ времени, когда, наконецъ, я перестану учиться и уѣду на родину, въ Малороссію. Представленіе дѣйствительности, посреди которой я жилъ до 9 лѣтъ, мало-по-малу слабѣло, тускнѣло, вытѣсняемое воображаемымъ міромъ, который составилъ у меня въ головѣ по разсказамъ Ондіря о давнопрошедшемъ;

наконецъ, дѣйствительность почти исчезла, уступивъ мѣсто чему-то фантастическому, чудесному. Часто, помню, не могъ я заснуть по цѣлымъ ночамъ, когда фантазія рисовала въ воображеніи моемъ дивные образы, подѣ какими представлялся мнѣ украинскій народъ—чуть не весь на коняхъ въ блестящей сбруѣ, разодѣтый въ яркіе, расшитые золотомъ и серебромъ, кунтуши и кармазинные шаравары, гремящій кривыми саблями, съ длинными усами и чубами, развѣваемыми вѣтромъ и, какъ волна за волной, шумной и стройной толпой несущійся туда, впередъ, куда-то далеко-далеко... Сердце мое билось сильно и скоро; я задыхался, дрожалъ отъ удовольствія, и съ неописаннымъ восторгомъ сознавалъ, что я — Украинецъ, и ни на что въ мірѣ не промѣнялъ бы этого горделиваго сознанія....

Когда же, во время такого восторженнаго настроенія, невзначай представлялся мнѣ образъ Ондрія, повѣствующаго о всѣхъ этихъ чудесахъ и одѣтаго, въ то же время, въ длиннополый табачнаго цвѣта сюртукъ и бѣлый жилетъ,—что естественно разрушало мои представленія о живописныхъ нарядахъ козацкихъ,—мнѣ было досадно и никакъ не хотѣлось разстаться съ дорогими мечтами... Но волей-неволей я обращался тогда къ собственнымъ воспоминаніямъ моего ранняго дѣтства и—увы!—вмѣсто бархатныхъ и шелковыхъ кунтушей, широчайшихъ шараваръ и закрученныхъ за ухо чубовъ, мнѣ очень ясно представлялись видѣнные мною туловища во фракахъ и сюртукахъ, узкихъ панталонахъ со штрипками, лица безъ усовъ, съ коротко-подстриженными и гладко-прилизанными волосами, или народъ, одѣтый, большею частью, бѣдно, въ сѣрые и коричневыя *свиты*, нерѣдко заплатаанныя вставками совершенно другаго цвѣта. И, Боже! какъ больно, какъ тяжело становилось мнѣ тогда! точно самое близкое существо умирало на моихъ глазахъ; слезы грусти и стыда душили меня; я гналъ отъ себя эти образы, закрывалъ глаза и плотнѣе прижимался къ подушкамъ, стараясь поскорѣе забыться. И дѣтская голова моя, утомленная продолжительнымъ напряженіемъ, снова наполнялась какими-то небывалыми призраками, и я засыпалъ гдѣ-нибудь въ степи, между козаками варающими кашу и играющими въ кости...

Между-тѣмъ, дѣтство, мало-по-малу, проходило; дѣтскія впечатлѣнія и представленія, на-половину фантастическія, незамѣтнымъ образомъ уступали мѣсто окружавшей дѣйствительности. И какъ ни тяжело, а нужно было, однако, разстаться съ дорогими образа-

ми, составлявшими цѣлый міръ, въ который я такъ любилъ уѣзжать на досугѣ. Я, наконецъ, долженъ былъ сознаться въ невозможности существованія, въ 500 верстахъ, народа, вѣчно-гуляющаго, шумящаго, посвящающаго всю жизнь войнѣ съ бусурманами за вѣру и свободу. Изъ книгъ я узналъ, что свобода утрачена давнымъ-давно, что воинственные и хищные когда-то татары обратились въ мирныхъ хозяевъ — торговцевъ, привозившихъ виноградъ и въ тотъ городъ, гдѣ я учился; что вѣра, которую исповѣдывалъ народъ украинскій, была господствующею въ государствѣ, и, слѣдовательно, никакимъ гоненіямъ не подвергалась. Изъ книгъ же и изъ разсказовъ очевидцевъ узналъ я, что и Малороссія, какъ и вся Россія, раздѣлена на губерніи и уѣзды, что соотчичи мои характера крайне-миролюбиваго, порядочно лѣнны, съ тѣмъ я, между прочимъ, вполне соглашался, обращаясь къ самосозерцанію, народъ угрюмый, сосредоточенный въ себѣ и — страстный любитель *горілки*. Узналъ я также, что хотя Малороссія и имѣетъ свой языкъ, весьма отличный отъ языка великорусскаго, но что на немъ говорить только простой народъ — *мужики*, а доблестное дворянство наше чуждается его какъ чего-то неприличнаго и недостойнаго, и если понимаетъ его, то потому только, что крестьяне иного языка не знаютъ, а ихъ нужно же заставлять работать и получать съ нихъ какъ можно больше дохода. Всѣ эти свѣдѣнія наводили на меня раздумье. Сталъ я опять припоминать, перебирать въ головѣ все, что тамъ удержалось изъ собственныхъ воспоминаній, изъ разсказовъ и пѣсень Ондрія и матери, сталъ сводить да сравнивать съ тѣмъ, что читалъ и слышалъ теперь, и долго не зналъ — кому и чему вѣрить. Въ ту пору, прочелъ я разсказы Квитки, которые чуть-было, снова, не утвердили меня въ сознаніи, что родина моя — страна, по преимуществу, прекраснаго и чудеснаго... Словомъ, это было время мучительныхъ сомнѣній, которыя я пытался разрѣшить со всею пылкомъ первой молодости, и чуть ли не въ эти минуты сама-собою возникла въ моей головѣ мысль, что украинскій народъ — не одинъ, а два въ одномъ, или — два изъ одного; мнѣ представился онъ въ какомъ-то раздѣльномъ видѣ, и тутъ же невольно вспомнились мнѣ мысли, которыя намъ задавали учителя выучивать: «всякое царство раздѣляющееся на ся — погибнетъ», «раздѣлай и — повелѣвай», и т. д. Въ хаосъ моей головы начиналъ проникать лучъ свѣта....

Наконецъ, мое ученіе кончилось; я былъ свободенъ, и черезъ нѣсколько времени долженъ былъ увидѣть Малороссію. Я не умѣю вы-

разить того чувства, которое испыталъ при видѣ тройки, на которой долженъ былъ выѣхать изъ чужаго города, гдѣ прожилъ почти 13 лѣтъ. Это было такое чувство, какого я никогда потомъ не испытывалъ, и сравненія которому рѣшительно не могу прибратъ. Я вкочилъ въ телѣгу, зажмурилъ глаза, крикнулъ: пошелъ! и полетѣлъ куда-то, чуть не въ седьмое небо....

Въ первые сутки ѣзды, мнѣ попадались по дорогѣ бороды, почти все рыжія, безконечные обозы на тройкахъ, бѣдныя деревушки съ курными избами—немазанными, закопченными дымомъ, бѣдными, грязными; красныя рубахи поверху штановъ, безобразныя, перетягивающіе грудь, сарафаны такъ и рябили. Это была еще Великая Россія: мнѣ не то было нужно. Я торопилъ ямщиковъ, насвистывалъ и напѣвалъ какіе-то мотивы, желая во чтó бы то ни стало, чтобы то были малорусскіе, чуть ли не на каждой верстѣ спрашивалъ, далеко ли еще до родной губерніи?, былъ, однимъ-словомъ, въ самомъ невыносимомъ состояніи; въ это время, кажется, вѣрнѣе всего можно было бы меня сравнить съ игрокомъ, который горячится при проигрышѣ. Нечего и говорить о томъ, что дорогой я почти не ѣлъ, боясь, малѣйшими остановками, отдалить, хоть на нѣсколько минутъ, мигъ свиданія съ родиной.

И вотъ, на второй день, передъ вечеромъ, я наткнулся на обозъ, —но на какой! на обозъ чумаковъ—на чумацкую *валку*! Въ два ряда вытянулось везовъ 60; выпряженные волю паслись всторонѣ, а у дороги, между возами, пылалъ огонь; надъ огнемъ стоялъ *треножокъ*, съ висѣщимъ котломъ, и вокругъ огня, человекъ 20 чумаковъ, загорѣлыхъ, запыленныхъ, въ вымазанныхъ дегтемъ рубашкахъ, сидя и лежа на животѣ, варили кашу. Огонь, отъ пылавшаго костра, причудливо извиваясь краснымъ пламенемъ, бросалъ пріятный отвѣтъ на сидѣвшихъ вокругъ него чумаковъ, когда, вспыхивая широко, разомъ освѣщалъ и возы и смуглыя суровыя лица чумаковъ и пасшихся круторогихъ воловъ. Эффектъ былъ полнѣйшій, восторгъ мой—неописанный. Я велѣлъ ямщику остановиться, слѣзъ съ телѣги, подошелъ къ чумакамъ, поклонился имъ, по всей вѣроятности, очень ловко, хотѣлъ сказать имъ какое-нибудь привѣтствіе на родномъ языкѣ, но—растерялся и едва могъ попросить огня—по-великорусски...

Одинъ изъ сидѣвшихъ, концомъ кнутовища, отбросивъ къ сторонѣ горящій уголекъ, произнесъ: *ось-де*, и снова повернулся къ огню.

Все еще не успѣвъ прійти въ себя отъ волненія, я пробормоталъ что-то, сѣлъ въ телѣгу и поѣхалъ дальше. Миѣ стало отчего-то грустно. Бросившись къ чумакамъ съ такимъ жаромъ, я ждалъ, вѣроятно, и отъ нихъ сочувствія, но они только флегматически посмотрѣли на меня, подвинувъ немного шапки на затылокъ, помогли закурить папиросу.... и только. Конечно, миѣ нечего было больше и ждать, но тогда это соображеніе не пришло миѣ въ голову. Я завернулся въ шинель, и задумался. Но новый характеръ картины, разстлавшейся передо мной, — большое село, (*непаче писанка-село!* *)

(*) Т. Гр. Шевченко.

въ которое мы скоро вѣхали, — множество дѣтей, бѣгавшихъ по улицѣ съ страшнымъ шумомъ, — кучки молодыхъ дѣвчатъ и парубковъ, стадо овецъ, поднявшее освѣщенную солнцемъ пыль, — пѣсня, несшаяся съ другаго конца села, — мычанье коровъ, — свѣжесть вечера, послѣ знойнаго дня, — скрипъ журавля-колодца — снова развеселили меня. Еще двое сутокъ пути, два-три уѣздныхъ города, десятка два многолюдныхъ селъ, наконецъ — верстѣ пятнадцать степи — и я — дома!

II.

Дома я не засталъ никого: матушка уѣхала куда-то на богомолье, не ожидая меня такъ-скоро, и, нѣсколько дней, миѣ предстояло провести въ полномъ одиночествѣ, между людьми, которыхъ я не помнилъ, и которые и меня не узнали. Ондрія, неразлучнаго спутника матушки въ ея поѣздкахъ, также не было. Первый день я посвятилъ отдохновенію послѣ долгаго пути, а вечеромъ поджидалъ матушку. Но на другой день меня проняла скука. Я попалъ въ самое неожиданное положеніе: быть совершенно одному, между людей неизвѣстныхъ. Нѣсколько разъ я пытался поговорить съ жившею въ домѣ прислугою, но отчего-то робѣлъ, путался, говорилъ вздоръ, и кончилъ тѣмъ, что просилъ или кусокъ хлѣба для собаки, или стаканъ воды для себя. Пзовешь, бывало, по имени, — человекъ выскочитъ изъ прихожей, вытянется въ струнку, и тѣмъ окончательно смутитъ; хочешь одно спросить, а скажешь совсѣмъ другое. Особенно пугало меня раболѣпіе, проявлявшееся при встрѣчѣ со мной дворовыхъ людей. Только высунусь изъ дома, — все начинаетъ снимать шапки, кланяться очень низко; — сконфузить меня, — я поклонюсь наскоро и спрячусь по-

скорѣе куда-нибудь. Я и успѣлъ только сказать нѣсколько словъ съ ма-тушкиной домоправительницей, женщиной лѣтъ 70; но это была такая уморительная и слезливая старушка, что ядолго не могъ привыкнуть—говорить съ нею и не разсмѣяться.

Попробовалъ поговорить съ садовникомъ, но онъ оказался страш-но-глупымъ человѣкомъ, все ухмылялся и не позволялъ мнѣ ходить по газону. Когда же я хотѣлъ полакомиться вишнями, то онъ рѣ-шительно воспротивился этому, и совѣтовалъ мнѣ обратиться прежде къ экономкѣ, безъ дозволенія которой онъ никому не позволялъ касать-ся къ ягодамъ.

Находившись вдоволь и проголодавшись, я воротился въ домъ, располагая обѣдать, какъ послышался звонъ колокольчика и бубенчи-ковъ. Заглянувши въ окно, я увидѣлъ подскакавшій къ крыльцу ле-генькій тарантасикъ, запряженный тройкою *взтокъ*, обвѣшенною бляха-ми и лентами. Почти въ ту же минуту, вошелъ въ комнату госпо-динъ, такъ-что я не могъ не удивиться быстротѣ, съ какою онъ ус-пѣлъ выскочить изъ тарантаса и очутиться у меня въ комнатѣ.

— Григорѣвичъ Иванъ Константиновичъ—сосѣди,—веръ ты три не больше,—вонъ тамъ за лѣсомъ; если стать на крышу, такъ и видно,» — говоритъ вошедшій, подавая мнѣ руку.

Это былъ еще очень молодой человѣкъ, лѣтъ, этакъ, 23, брюнетъ, очень красивой наружности; курчавые волосы на головѣ его были взбиты, что очень шло къ его смуглому лицу. Одѣтъ онъ былъ очень странно, чтобъ не сказать смѣшно. На немъ были широчайшіе запорожскіе шаравары, красная русская рубаха поверхъ ихъ, подвязанная шелко-вымъ снуркомъ, а сверхъ всего что-то крайне неопредѣленное, не то куртка, не то короткій сюртукъ темнозеленаго бархата. Движенія его были быстры, рѣзки, но казались какими-то неоконченными.

— Вы, кажется, недавно изволили пріѣхать? — спросилъ Григо-ровичъ.

Я отвѣчалъ.

— Позвольте?—продолжалъ онъ, вытащивъ изъ кармана своихъ шароваръ коротенькую голландскую трубочку изъ бѣлой глины и ки-сетъ.

Я попросилъ не стѣсняться. Набивши и закуривши трубочку, Иванъ Константиновичъ, со всего размаху, бросился на диванъ, по-туть же опять вскочилъ на ноги.

— Не хотите ли сигару?—спросилъ онъ, вынувъ изъ другаго кармана серебряный портъ-сигаръ.

Я отказался.

— А съ собой я вожу,—продолжалъ онъ. Многіе любятъ. Я самъ ихъ не курю—не люблю, душатъ. Турецкій лучше. Если у васъ выйдетъ, такъ я вамъ пришлю; мнѣ доставляетъ Янкель прямо изъ Бухареста.

Съ этими словами мой гость опять обрушился на диванъ.

— А скажите, пожалуйста, у васъ есть лягавая?—совершенно неожиданно спросилъ Иванъ Константиновичъ.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ я.

— А у меня вчера сука оценилась пятаю. Двухъ велѣлъ утопить, а тронхъ оставилъ. Какъ подростутъ, я вамъ пришлю пару.

Я поблагодарилъ, объясняя, что я вовсе не охотникъ.

— Ничего! я пришлю. Вчера мы, знаете, затравили 12 штукъ зайцевъ и лисицу. Доскачъ Панченка ногу сломалъ.

Я изъявилъ сожалѣніе.

— Ничего,—продолжалъ невозмутимый Григорѣвичъ:—онъ у меня на прошлой недѣлѣ выигралъ трехъ борзыхъ. Три раза, бестія, банкъ сорвалъ.

Трубочка между тѣмъ докурилась. Иванъ Константиновичъ вычистилъ ее и спряталъ въ карманъ. Потомъ, съ такою же быстротою, какъ съѣлъ, онъ снова вскочилъ съ дивана, и началъ прощаться. Я, для перваго знакомства, не счелъ нужнымъ удержать его. Выскочивъ на крыльцо, онъ во всю глотку крикнулъ: *давай, Юркó!* Тарантасъ съ звономъ подъѣхалъ, подхватилъ Ивана Константиновича и помчался.

Особенно поразило меня въ моемъ знакомомъ то, что фizioномія его не принимала никакого участія въ разговорѣ: она оставалась все время неизмѣнною и спокойною. Слова вылетали изъ устъ Ивана Константиновича, какъ птицы изъ кустовъ, совершенно неожиданно, и также неожиданно перебѣгали отъ одного предмета къ другому. Пока я размышлялъ объ этомъ, послышался опять колокольчикъ и бубенчики. Не успѣлъ я оглянуться, какъ передо мной уже стоялъ Григорѣвичъ, и говорилъ тѣмъ же ровнымъ голосомъ:

— А я забылъ: завтра... или нѣтъ,—въ субботу, судья—имянинникъ. Пріѣзжайте. Будетъ и столъ и банкъ, музыка тоже будетъ.

Я хотѣлъ что-то сказать, какъ онъ опять перебилъ меня.

— А арбузы у васъ есть?

— Нѣтъ,—отвѣчалъ я.

— У меня есть. Я вамъ пришла... На ярмарку въ Крелевецъ пойдете?

Я совсѣмъ не зналъ, что на это отвѣчать. Вѣроятно все было, что не поѣду, но я отвѣчалъ «можетъ-быть».

— Хорошо,—говорилъ Иванъ Константиновичъ.—А знаете: прошлую зиму здѣсь были актеры, играли.

Я изъяснилъ удивленіе, что въ такой маленькій городокъ заѣхали актеры.

— Какъ же!—были, продолжалъ Григоровичъ.—Вы винъ еще не покупали здѣсь?

— Нѣтъ,—отвѣчалъ я.

— У Костюка извольте брать: прямо изъ Риги получаетъ. Впрочемъ, до свиданья!

И Иванъ Константиновичъ исчезъ съ прежнею быстротою, и на этотъ разъ уже не возвращался.

Когда жаръ спалъ, я опять пошелъ ходить, чтобъ познакомиться съ мѣстностью. Хуторокъ нашъ былъ расположенъ хотя не живописно, но выглядывалъ очень гостепріимно и пріятно. Прежде всего я скажу, что хуторъ назывался *Гарнымъ*. На большомъ дворѣ стоялъ небольшой домикъ, старый, низкій, подъ соломенной крышей, налѣво — флигель, направо — разныя службы. За домомъ расположенъ огромный фруктовый садъ, въ концѣ котораго помѣщается гумно. За садомъ, ни чѣмъ отъ него не отдѣляясь, тянется прекрасная роща, изрѣзанная множествомъ узенькихъ дорожекъ, чрезвычайно хитро переплетенныхъ между собою, что, по-моему, дѣлаетъ большую честь некуству того, кто этимъ занимался. Въ одномъ углу рощи помѣщается пасѣка шней въ 500, и при ней омшаникъ. Далѣе идетъ густой лѣсъ, принадлежащій уже другому владѣльцу. Передъ домомъ открытое, со всѣхъ сторонъ, поле, по которому бѣжитъ, извиваясь змѣйкой, дорога въ городъ. Влѣво, на горизонтѣ виднѣется нѣсколько селеній, теряющихся въ синевѣ дали. Изъ двора идетъ улица, образуемая десятками двумя избъ, параллельно построенныхъ и, поворачивая, подъ прямымъ угломъ, налѣво, превращается въ дорогу, ведущую въ сосѣдніе хутора.

Обошедши садъ, гдѣ, по распоряженію экономки, мнѣ было уже дозволено пользоваться ягодами, и рощу, я выбрался на небольшой лугъ,

покрытый сочною, густою травою. За рѣкой, на противоположномъ берегу косари косили траву. Это зрѣлище, совершенно для меня, новое доставило мнѣ большое удовольствіе, и я каждый день ходилъ любоваться этой картиной. Въ самомъ дѣлѣ, нельзя было безъ наслажденія смотрѣть, какъ, человѣкъ 40, въ рядъ, подъ предводительствомъ отамана, мѣрно взмахивали косами, на которыхъ разсыпались лучи догаравшаго солнца. Какой-то особенный, пріятный звукъ издаетъ трава, падая отъ взмаха острой стали, точно прощается съ жизнью. Послѣ, часто, любилъ я, улегшись неподалеку отъ косарей, вслушиваться, закрывъ глаза, въ эту своеобразную, впоследствии времени музыку. Но ни что не имѣло для меня такой прелести, какъ косовица въ степи, гдѣ, на пространствѣ почти такомъ, сколько хватить глазъ, ни деревца, ни хуторка,—одна высокая золотистая трава, изъ которой мѣстами проскакиваютъ пушистыя метелочки ковыля. Забьешься, бывало, въ эту траву съ разсвѣта, и пролежишь до вечера любясь степью, косорами и косовицей.

Едва начнетъ показываться солнце, косари приготовляются къ работѣ. По командѣ отамана, которымъ бываетъ лучший косарь и который обыкновенно идетъ впереди и ведетъ *ручку*, всѣ начинаютъ оттягивать косы. Не слышавши, нельзя вообразить той музыки, какую разливаютъ удары 50—60 молотковъ о звонкую сталь косъ, въ безпредѣльной степи, гдѣ звонъ этотъ не встрѣчаясь на своемъ пути ни съ чѣмъ, чтобы отразило его, долго несется, постепенно слабѣя, и замираетъ наконецъ въ чистомъ воздухѣ. Потомъ, мѣрно, взмахъ за взмахомъ, косы взлетаютъ и падаютъ, оставляя за собою параллельные покосы. Шабашъ! скажетъ отаманъ; косари идутъ *спидать*, а потомъ снова за косы уже безъ шапокъ, и т. д. до вечера.

Жаръ стоитъ такой, что страхъ! земля трескается... ничего!.. косы звѣнять, и пѣню кто-нибудь затынетъ, лежишь да слушаешь — не наслушаешься! Приподымешься, оглянешься: тѣнь какая-то бѣжитъ по степи; посмотришь вверхъ—орелъ летитъ, а не то коршунъ вытянется, распластается въ воздухъ и стоитъ недвижно, шевеля только концами крыльевъ. Прелесть! Или бойкій кобчикъ, завидѣвши добычу, стрѣлой летитъ въ вышинѣ... вдругъ кинется къ землѣ, издастъ пронзительный крикъ, и снова, какъ пуля, взвояется подъ небо, перевернется, остановится, задрожитъ—и пропасть! А косы звѣнять, трава плачетъ, пойдетъ *мара* по степи, неугомонный жаворонокъ, этотъ воздушный колокольчикъ, то уходитъ въ высоту, то пропа-

дасть въ травѣ. Стихаетъ жаръ, косари принимаются за ужинъ;—настаетъ такая тишина, что уху больно; небо поблѣднѣетъ, на окраинахъ его покажутся розовыя полоски, едва замѣтная сырость пощекочетъ въ носу,—съ юга, что-ли, потянетъ легенькій вѣтерокъ, обдастъ ароматомъ отъ скошенной травы; вскочишь на ноги, оглянешься, посмотришь, прищураясь, вдаль, въ синюю глубь безконечнаго пространства, потянешь въ себя этотъ чудный воздухъ, вздохнешь полною грудью, сядешь на коня, который тутъ же, спутанный, ѣлъ траву, и тихо, тихо поѣдешь къ жилью. Совершенно довольный полнымъ ощущеніемъ жизни, съ пріятною истомою ѣдешь, забывая все на свѣтѣ. Какое бы горе ни давило человѣка, на это время, все, кажется, можно забыть: всѣ желанія замолкнуть, ничто не встревожить сердца,—и самое неугомонное затихнетъ послѣ такихъ ощущеній. Да! дивно необыкновенно успокоительно дѣйствуютъ степи! Мнѣ стало понятно то вдохновеніе, которымъ наполнялись души козаковъ, когда они носились по неизмѣримымъ степенямъ. Неудивительно, что Запорожцы, для своего *товариства*, отказывались отъ всѣхъ благъ, предлагаемыхъ домовитою жизнью. Хороша спокойная, семейная жизнь, съ ея тихими радостями и печальми; хороша жена и сестра, еще лучше невеста и любовница; все это хорошо,—но степи—рай земной!.. Но я ужъ залетѣлъ съ Запорожцами въ рай: возвратимся еще въ *Гарный* хуторъ...

Выйдя на дорогу, что вела въ городъ, я своротилъ влѣво, къ пруду. Небольшой этотъ прудъ мнѣ очень нравился. Правильный кругъ его, съ покатыми зелеными берегами, обсаженный березами и липами, имѣлъ чрезвычайно заманчивую наружность: такъ и хотѣлось войти туда, и полежать на бархатистой травкѣ, въ тѣни старыхъ деревьевъ. Я такъ и сдѣлалъ: улегся, да и сталъ смотрѣть въ воду, въ которой отражалось небо, деревья и моя физіономія. Изрѣдка бросалъ я маленькіе камешки на воду... Кругомъ все было тихо; только, по-временамъ, долеталъ до меня крикъ дѣтей съ хутора, да глупая лягушка отзовется и сдѣлаетъ прыжокъ на водѣ. Солнце начинало садиться, вытягивая свои лучи какъ можно далѣе, и часть пруда усеялась мелкими полосками блѣдно-алаго цвѣта, а верхушки липъ и березъ слегка позолотились. Легкій вѣтерокъ перебѣжалъ по листьямъ, потянулъ мелкою рябью поверхность пруда, и пронесся далѣе. Я всталъ, посмотрѣлъ на Гарный. Въ это время онъ представлялъ самую веселую картину. Маленькій домикъ между тополей,

стройныхъ и высокихъ; передъ нимъ зеленый дворъ съ домашнею птицею, роющеюся въ землѣ, кучки—двѣ дѣтей, сидящихъ и лежащихъ съ поднятыми вверхъ ногами; свернувшаяся клубкомъ большая сѣрая собака; дѣвушка, вытаскивающая изъ колодца воду,—все это, точно, замерло, не шевелилось. Съ востока, между-тѣмъ, будто нехотя, выплывалъ огромный красный мѣсяцъ, на смѣну солнца, успѣваго уже совсѣмъ спрятаться за сосѣднимъ лѣсомъ. Стало довольно свѣжо. Къ хутору подходила *череда*, возвращавшаяся съ пастбы; нѣсколько женщинъ съ дойниками и бѣлыми полотенцами вышли къ ней навстрѣчу; пастухъ, въ изорванныхъ, по-обыкновенію, штанахъ, и свитѣ, въ огромномъ *бриль*, съ сумкою за плечами, лѣнливо шелъ за коровами, подгоняя ихъ разными восклицаніями, изрѣдка помахивая длинною палкою, въ родѣ швейцарской булавъ. Телята, почуявъ приближеніе своихъ родительницъ, разными голосами изъясляли самую непритворную радость, а въ отвѣтъ толстыя ихъ мамы мычали немнѣе чистосердечно. Пока дошли коровъ, луна поднялась уже аршина на три, стала изъ красной блѣдно-желтой, обѣщая скоро сбросить и эту одежду и остаться въ серебряной. Длинные тѣни, самыми причудливыми фигурами, вытягивалась по землѣ; въ 30 шагахъ трудно уже было узнавать предметы, а вдали, подъ лѣсомъ, стало такъ темно, что страшно было и пойти туда. Маленькая дрожь охватила меня, и я пошелъ къ дому. Вдругъ, изъ-за кухни, голосовъ 20 мужскихъ и женскихъ хватили какую-то хоровую пѣсню. Я сталъ какъ вкопанный. Пѣсня была недлинка, а голоса были такіе звонкіе и пріятные, пѣнье такое согласное, что я готовъ былъ прійти въ отчаяніе, зачѣмъ такъ скоро они перестали пѣть. Но погода не много, три голоса, мужской и два женскихъ—снова зашѣли. Пѣсня эта уже не была веселая, какъ первая. Медленный жалобный напѣвъ ея напомнилъ мнѣ пѣніе Оидрія. Я подошелъ такъ близко, къ пѣвцамъ, какъ только было можно чтобъ оставаться невидимымъ, сѣлъ подъ дерево и заслушался. Сильный чистый теноръ, съ довольно хорошимъ контръ-альто, пѣли особенно хорошо. Казалось, будто два голоса вылетали изъ одіой груди: такъ они спѣлись. Долго они пѣли; я весь погрузился въ слухъ такъ, что когда они перестали, я вздрогнулъ. Хоръ вытягивалъ: *гу-гу...* Эхо подхватило; понеслось окликомъ между деревьевъ, прозвѣло во всѣхъ концахъ — и затихло. Все снова погрузилось въ тишину. Луна стояла уже очень высоко, серебряная, холодная; тысячи звѣздъ, мелькая, помогали

ей освѣщать успокоившуюся землю. Парубки и дивчата расходились; обрадовавшіеся наступленію ночи, лягушки затынули свою грустно-шутливую пѣсню...

Бувъ—кумъ

Пото—нувъ...

Нумо—плакать,

Нумъ—нумъ.

Ка—па.

1860 годъ.

(Будетъ продолженіе.)

МИНУЛОСЯ.

Защебетавъ соловейко
Въ садочку на вишні;
Ходить дівка по садочку —
Слұха ёго пісні.

И слұхає и радіє,
И самá співає;
Весело їй дівовати,
Бо вольеньку має:

Вільна слұхать соловейка,
До віръ придивляється,
Кого серце забажє —
Съ тимъ и покохаться.

Закувала зозуленька
На вербі зеленій;
Вийшла съ хати молодиця
Смутна, не весела.

«Закуй мині, зозуленько,
Чи довго ще жити?
Чи довго ще на сімъ світі
Вьянути, тужити?»

Накувала зозуленька
Літь дуже багато;
Заплакала молодиця —
Смутна пійшла въ хату...

Вийшла вона и за того,
Съ кимъ колись кохалась,
Съ кимъ слұхала соловейка,
До віръ придивлялась...

А тепера не до вірокъ,
Не до соловейка...
Плаче, слұха якъ на вербі
Кує зозуленька...

ДУМКА.

Не такъ менé правда,
 Якъ думка зуушила,
 Що буцимъ дівчина
 Менé розлюбила;
 Забула, якъ щиро
 Зо мною кохалась;
 Забула, якъ щиро
 Клялась - присягалась.

Охъ, що жъ то за думка,
 Ревнивая думка!
 Що все тамъ літає,
 Де мила витає!..
 Літає и вѣтця,
 И ворономъ кріаче,
 И крушить и сушить
 Сердénько козаче...

Гей, думко ти, думко,
 Ревнивая думко!
 Леті жъ ти до неі,
 Дівчини моєі;
 Скажи й прикажи їй—
 Нехай вірно любить;
 Скажи: якъ розлюбить —
 Дві душі загубить!..

В. Ал—овъ.

1861 року.
 Чугуївъ.

ГЕТМАНСТВО ВЫГОВСКАГО.

(Продолженіе).

XI.

Между тѣмъ, произошло слѣдующее: 6 сентября (16 н. с.), подъ Гадячемъ, собрана была рада. Посреди очищеннаго мѣста (майдана) сидѣли старшины, полковники, сотники, въ своихъ праздничныхъ нарядахъ, каждый съ своимъ знакомъ. Выговскій, съ булавою въ рукахъ, ввелъ въ собраніе польскихъ комиссаровъ — Бенёвскаго и Евлашевскаго.

»Войско Запорожское«, сказалъ Выговскій комиссарамъ, «изъявляетъ желаніе вѣчнаго мира и соединенія съ Рѣчью Посполитою, если только услышитъ отъ господъ комиссаровъ милостивое слово его королевскаго величества.»

Коммисары поклонились. Бенёвскій началъ говорить:

»Высочайшее существо, по волѣ своей возвышающее и уничтожающее царства, укоренило въ сердцахъ каждого изъ насъ врожденную любовь къ отечеству, такъ-что, гдѣ бы кто ни скитался, а всегда хочется ему домой воротиться. Вотъ, я думаю, теперь такъ сдѣлалось съ Запорожскимъ Войскомъ, когда оно именемъ своимъ и своего гетмана обратилось къ его величеству королю Іоанну Казимиру съ желаніемъ вѣрнаго подданства, и просить его покровительства себѣ и всему русскому народу. Это хорошо вы дѣлаете, паны-молодцы: дай Богъ, чтобъ изъ этого вышло счастье для общаго нашего отечества. Вотъ уже десять лѣтъ, какъ, словно двѣ матери за одного ребенка, спорятъ за Украину два народа: Поляки и Москали. Поляки называютъ ее своею собственностію, своимъ порожденіемъ и членомъ, а Москали, пользуясь вашею храбростію и вашимъ оружіемъ, хотятъ завладѣть чужимъ. Трудно намъ удержать одному кому-нибудь за собою одно нераздѣлимое тѣло; мы хотимъ разрубить или раздрать его пополамъ и присвоить себѣ пополамъ: оттого гибнетъ край вашъ, пустыютъ поля; сѣетъ Москаль ненависть между вами и нами на плодородныхъ поляхъ Украины, утучняетъ ихъ кровью христіанскою, а врагъ душъ человѣческихъ, чортъ проклятый, нарочно насъ къ тому подзадориваетъ для гибели нашей. — — — Истинно скажу вамъ,

паны-молодцы: божьею благодатию такъ сталося, что мы, сами себя ударивши въ грудь, познали грѣхи наши и отпустили другъ-другу наши вины. Самъ Богъ открылъ вамъ глаза нато, чтобъ сбросить ярмо неволи и возвратиться къ старинной свободѣ. Съ какою отеческою любовію, съ какою радостію найяснѣйшій король услышалъ о прибытіи вашихъ по словъ—этому и я былъ свидѣтель, и они сами тоже вамъ скажутъ. Теперь насъ присылаетъ къ вамъ цѣлая Рѣчь Посполитая,—просить она васъ, паны-молодцы, соединиться съ нами, чтобъ вмѣстѣ спасать отечество, вмѣстѣ славы добывать, вмѣстѣ миромъ утѣшаться. Вы теперь попробовали и польскаго и московскаго правленія, отвѣдали и свободы и неволи; говорили: не хороши Поляки; а теперь навѣрное скажете: Москаль еще хуже. Чтô приманило народъ русскій подъ ярмо московское? Вѣра? Неправда: у васъ вѣра греческая, а у Москаля вѣра московская. Правду сказать, Москали такъ вѣрятъ, какъ царь имъ прикажетъ.⁽¹⁾ Четырехъ патріарховъ святые отцы установили, а царь сдѣлалъ пятого и самъ надъ нимъ старшинствуетъ; чего соборы вселенскіе не смѣли сдѣлать, то сдѣлалъ царь. Вы своихъ духовныхъ уважаете, а Москаль распоряжается какъ хочетъ духовнымъ управленіемъ: митрополитовъ отрѣшаетъ, какъ съ Никономъ недавно поступилъ; священниковъ и монаховъ въ неволю беретъ, какъ недавно поступилъ съ отцемъ Ипатіемъ; достояніе алтарей и храмовъ забираетъ на свои нужды. Это такъ поступаютъ въ духовныхъ дѣлахъ, а въ мірскихъ чтô дѣлается? того подъ польскимъ владычествомъ вы и не слыхивали. Всѣ доходы съ Украины царь беретъ на себя; установили новыя пошлины, учредили кабаки, бѣдному козаку нельзя ужъ водки, меда или пива выпить, а про вино ужъ и не вспоминаютъ! Но до чего, паны молодцы, дошла московская жадность? Велятъ вамъ носить московскіе зипуны и обуваться въ московскіе лапти! Вотъ неслыханное тиранство! Чего послѣ этого ждаты? Прежде вы сами старшинъ себѣ выбирали, а теперь Москаль вамъ даетъ кого хочетъ, а кто вамъ угоденъ, а ему не нравится того—прикажетъ извести. И теперь уже вы живете у нихъ въ презрѣніи: они васъ чуть за людей считаютъ, готовы у васъ языки отрѣзать, чтобъ вы не говорили, и глаза вамъ выколотъ,

⁽¹⁾ Нѣтъ необходимости распространяться въ опроверженіяхъ противъ фальшиваго взгляда, умышленно составленнаго, въ этой рѣчи Беневскаго, подъ вліяніемъ національной злобы. Въ-особенности, обвиненіе на Московское правительство относительно Церкви кажутся нелпыми. Историческое знаніе у насъ развито настолько, что всѣмъ, безъ-сомнѣнія, извѣстно какъ о единствѣ Греческой и Русской Церкви въ XVII вѣкъ, такъ и о неизмѣнности ея древнихъ уставовъ и постановленій. Какъ можно было сказать, что цари установили патріаршество вопреки церковному порядку, когда оно было установлено согласіемъ другихъ Патріарховъ? Никона также судилъ не царь, а духовный соборъ.

чтобъ не смотрѣли . . . да и держать васъ здѣсь только до тѣхъ поръ, пока насъ, Поляковъ, вашею же кровію, завоюють, а послѣ переселятъ васъ за Бѣлоозеро, а Украину заселятъ своими московскими холопами. Такъ вотъ, пока есть еще время, нечего медлить: спасайте себя; соединяйтесь съ нами; будемъ спасать общую отчизну! И возвратитесь къ намъ и зацвѣтетъ у насъ свобода; и будутъ красоваться храмы святынею, города богатыми рынками; и народъ украинскій заживетъ въ довольствѣ, спокойно, весело; будетъ земледѣлецъ ухаживать за своею нивою, пасичникъ за своими бортами, ремесленникъ за своимъ ремесломъ; убійства, грабежи, несправедливости будутъ наказываться безъ пощады. Никого не стануть принуждать къ рабству: строгій законъ не допуститъ панамъ своевольствовать надъ подданными. У насъ теперь общее дѣло — мы васъ, а вы насъ отъ бѣды избавимъ; и Богъ будетъ съ нами, а чортъ шею сломитъ! Чего еще медлить? Отчизна зываетъ къ вамъ: я васъ родила, а не Москаль; я васъ вскормила, взлелѣяла — опомнитесь; будьте истинными дѣтьми моими, а не выродками!»

— «А що», вскричалъ Выговскій: «чи сподобалась вамъ, панове молодці, рація ёго милости пана комисара?»

«Гарáздъ говоритъ!» закричали козаки⁽¹⁾.

Выговскій поклонился комисарамъ и въ кудрявой рѣчи изъяснилъ отъ имени всего Запорожскаго Войска благодарность за вниманіе короля.

Послѣ взаимныхъ комплиментовъ и обычныхъ церемоній, гетманъ отобралъ изъ каждого полка комиссаровъ для заключенія трактата съ польскими комиссарами. Тогда были сочинены и написаны статьи, извѣстныя подъ названіемъ *Гадяцкихъ*. Онѣ касаются четырехъ предметовъ: государственнаго значенія Украины, внутренняго порядка, вѣры и просвѣщенія.

Украина — т. е. земли, заключавшія тогдашнія воеводства черниговское, кіевское и брацлавское (нынѣшнія губерніи: полтавскую, черниговскую, кіевскую, восточную часть волынской и южную половину подольской) — объявлялась вольною и независимою страною, соединенною съ Польшею подъ именемъ Великаго Княжества Русскаго, на правахъ Великаго Княжества Литовскаго, такъ что Рѣчь-Посполитая должна была образовать союзъ равныхъ между собою и одинаково свободныхъ республикъ — польской, литовской и русской, подъ управленіемъ короля, избраннаго тремя соединенными народами. Всѣ три народа должны были общими усиліями завладѣть берегами Чернаго моря и открыть по немъ свободную навигацію; всѣ три народа должны помогать другъ другу

⁽¹⁾ Annal. Polon. Clim. I, 311 — 316. Hist. pan. J. Kazim., I, 360 — 336.

въ войнахъ, не исключая войны съ Московією, въ случаѣ, если царь московскій откажется воротить принадлежавшія Рѣчи-Посполитой земли. Въ случаѣ соединенія Московіи съ Польшею, договоръ о цѣлости Великаго Княжества Русскаго, со всѣмъ его устроивомъ, долженъ былъ сдѣлаться кореннымъ закономъ, и тогда Царство Московское вошло бы въ этотъ союзъ славянскихъ народовъ, какъ четвертое соединенное государство. Великое Княжество Русское отказывалось отъ всякаго особаго сношенія съ иностранными державами.

Внутри Великаго Княжества Русскаго все должно было носить видъ самобытнаго государства. Верховная законодательная власть должна истекать изъ національнаго собранія депутатовъ, избранныхъ жителями трехъ воеводствъ, вошедшихъ въ великое княжество русское; исполнительная должна находиться въ рукахъ гетмана, избраннаго пожизненно вольными голосами сословій и утвержденного королемъ. Гетманъ вмѣстѣ былъ верховнымъ сенаторомъ трехъ воеводствъ и гражданскимъ правителемъ великаго княжества русскаго. Великое княжество русское должно имѣть свой верховный трибуналъ, куда будутъ поступать для рѣшенія дѣлъ изъ низшихъ судебныхъ инстанцій и производиться на русскомъ языкѣ; свое государственное казначейство, куда единственно могли поступать всѣ доходы и поборы съ украинскаго народа и обращаться единственно на потребности великаго княжества русскаго; своихъ государственныхъ сановниковъ или министровъ, канцлеровъ, маршаловъ, подскарбіевъ (министровъ финансовъ) и другихъ, какіе окажутся нужными; свою монету и свое войско, которое должно будетъ состоять изъ тридцати тысячъ или болѣе (по усмотрѣнію) козаковъ и десяти тысячъ регулярнаго войска; какъ то, такъ и другое, должно состоять подъ командою русскаго гетмана, и никакое другое войско не могло быть введено въ княжество безъ дозволенія русскаго правительства, а еслибъ представилась для этого крайняя необходимость: то оно должно состоять подъ командой гетмана. Владѣльцы получали свои права не иначе какъ съ дозволенія гетмана. Въ договорѣ не было написано правильныхъ условій относительно правъ владѣльцевъ на тѣхъ, которые будутъ жить на ихъ земляхъ, кромѣ того что воспрещалось владѣльцамъ держать подлѣ себя надворныя команды. Въ числѣ статей относительно внутренняго порядка возникающаго великаго княжества замѣчательно то, что гетманъ во всякое время могъ представлять королю козаковъ для возведенія ихъ въ шляхетское достоинство, съ условіемъ, чтобъ изъ каждаго полка число кандидатовъ не превышало ста человѣкъ. Изъ этого видно, что

у составителей договора было намѣреніе возвысить все козацкое сословіе и уравнить его съ шляхетскимъ, но постепенно. Это возведеніе, при тогдашнемъ положеніи дѣлъ, могло коснуться со временъ и посольства, ибо козаки пополнялись изъ посполитыхъ. По мѣрѣ того какъ козаки будутъ получать дворянское достоинство, на ихъ мѣста будутъ поступать въ козаки изъ посполитыхъ.

Относительно вѣры, положено было Унію, какъ вѣру произведшую раздоръ, совершенно уничтожить, не только въ краѣ, который входилъ въ новое государство, но и въ остальныхъ соединенныхъ республикахъ польской и литовской, такъ что въ Рѣчи-Посполитой должны быть двѣ господствующія вѣры: греко-каѳолическая и римско-католическая. Духовенство восточной вѣры оставалось съ правами своей юрисдикціи, имѣнія его были неприкосновенны; всѣ церкви, отобранныя католиками уніатами, возвращались православнымъ; повсюду дозволялось строить новыя храмы, монастыри, духовныя школы и богадѣлни, прекращалось всякое стѣсненіе вѣроисповѣданія, и въ знакъ почести, митрополитъ и пять православныхъ епископовъ: луцкій, львовскій, перемышльскій, хелмскій и метиславскій — должны были занять мѣста въ сенатѣ наравнѣ съ римскими епископами.

Составители договора не позабыли просвѣщенія. Положено было въ великомъ княжествѣ русскомъ завести двѣ академіи съ университетскими правами: первая была кіевская коллегія, долженствовавшая сдѣлаться университетомъ; вторую слѣдовало основать въ другомъ мѣстѣ, какое признается удобнымъ. Профессора и студенты должны будутъ отрекаться отъ всякой ереси и не принадлежать къ протестантскимъ сектамъ — аріанской, лютеранской и калвинской. Кромѣ этихъ двухъ академій должны быть учреждены училища въ разныхъ мѣстахъ Великаго Княжества Русскаго, смотря по потребности, безъ ограниченія ихъ числомъ. Позволялось каждому, кому угодно, вездѣ заводить типографіи: объявлялось совершенно вольное книгопечатаніе, даже и относительно вѣры можно было писать всякія возраженія и мнѣнія безпрепятственно.

При составленіи договора уничтоженіе уніи было щекотливымъ вопросомъ. Въ тайной инструкціи, данной посламъ, поручалось имъ сколько возможно отстаивать унію и меньше давать силы православному побужденію противъ нея. Послы должны были обходить вопросъ объ уніи, указывать козакамъ, что это дѣло можетъ разсматриваться только на всеобщемъ съѣздѣ духовенства, и что этотъ съѣздъ непременно состоится по волѣ короля и за ручательствомъ Рѣчи-Посполитой. Такъ-какъ вмѣ-

стѣ съ вопросомъ объ уніи связывалась отдача церковныхъ имѣній, то комиссарамъ въ тайной инструкціи предписывалось всеми силами стараться не отдавать имѣній, перешедшихъ въ уніатскія руки, и только въ крайнемъ случаѣ позволялось согласиться на отдачу такихъ имѣній, которыя, по ясному праву, окажутся принадлежащими дизунистамъ; а коль скоро возникъ бы споръ о принадлежности имѣній уніатамъ либо дизунистамъ, тогда такія имѣнія должны оставаться въ рукахъ дѣйствительно владѣющихъ ими въ настоящее время. Коммисары должны были доказывать, что несправедливо будетъ, не выслушавъ голоса той стороны, которая уже пользуется имѣніями, отнимать у нея то, что она давно привыкла считать своимъ достояніемъ. Очевидно здѣсь скрывалась цѣль — никогда не отдавать требуемыхъ имѣній: сторонѣ, владѣющей такимъ имѣніемъ, стоило только подать просьбу въ судъ, дѣло затянется, и православная сторона, съ своимъ правомъ на возвратъ своего имѣнія, никогда бы его не получила въ самомъ дѣлѣ. Условіе — оставлять имѣнія въ рукахъ настоящихъ владѣльцевъ, если они станутъ защищать свое владѣніе судебнымъ порядкомъ, поворачивало весь вопросъ въ пользу уніатской стороны; это было даже высказано въ тайной инструкціи, такимъ выраженіемъ: проволочка времени можетъ помочь намъ. Коммисары никакъ не должны были соглашаться на совершенное уничтоженіе уніи; даже уступать православнымъ право признавать собственностью своей церкви духовныя имѣнія и отыскивать ихъ, комиссары могли не иначе, какъ съ условіемъ, что козаки отъ себя пошлютъ посольство къ папѣ и станутъ просить его содѣйствовать къ утвержденію всеобщаго религіознаго согласія въ Рѣчи-Посполитой. Послы должны были дѣйствовать какъ можно хитрѣе съ козаками (*utendum est artificіis*) ⁽¹⁾. Но унія была такъ ненавистна, что едва комиссары заговорили объ этомъ предметѣ, тотчасъ увидали, что нѣтъ никакой возможности согласиться съ русскими, какъ пожертвовавъ уніею. И они взяли на свою ответственность это важное дѣло.

При чтеніи договора на радѣ, вѣроятно собранной изъ немногихъ, ибо простые козаки по большей части не знали ничего о томъ, что происходило, — по извѣстію современника — поднялись возраженія и требованія чрезвычайно разнообразныя и до того запутанныя, что козаки сами не понимали, чего хотѣли, такъ, что одинъ и тотъ же предъявлялъ требованіе, а чрезъ нѣсколько минутъ измѣнялъ свое мнѣніе и требовалъ

⁽¹⁾ См. *Gradus ad action*. II. Публ. Библ., польск. рукоп. № 15.

противнаго. Только одно требованіе было ясно и упорно высказываемо: русскіе хотѣли расширить объемъ своего княжества и присоединить къ нему воеводства волынское, подольское, русское, белзское (т. е. остальные части нынѣшнихъ губерній волынской и подольской), и Червоную-Русь, — страны, гдѣ народъ говорилъ южнорусскимъ языкомъ и гдѣ правила прежде русскіе князья. Коммиссары спорили упорно; дѣло начало-было расходиться, но Выговскій и его приверженцы кое-какъ успокоили волненіе. По извѣстію современниковъ, всѣхъ болѣе оказалъ тогда вліянія Тетеря. Его простонародныя выходки, говоритъ современный писатель, болѣе подействовали на козаковъ, чѣмъ философскіе аргументы другихъ ⁽¹⁾.

»Эй!« кричалъ онъ весело: *»згодімося, панове молодці, зъ Ляхами — більшъ будемо мати; покїрливе телятко дві матері ссєть!«*

Старшины начали вторить этому замѣчанію, и толпа, указывая пальцами на Тетеря, закричала:

»Оттої всю правду сказавъ! Зіода! зіода! зіода!«

Коммиссары, отпраздновавши мировую съ козаками — ѣдою и питьемъ, уѣхали къ королю съ радостною вѣстью объ успѣхѣ, обдаренные старшинами, и долго слышали они за собою пушечную пальбу, «возвѣщавшую, »говоритъ современникъ,« примиреніе съ Поляками, какъ еще недавно она возвѣщала о непримиримой къ нимъ ненависти.» Выговскій увѣрялъ козаковъ, что по этому договору всѣ они будутъ произведены въ шляхетство (дворянство) ⁽²⁾.

На возвратномъ пути послы встрѣтились съ Кикинымъ, который ѣхалъ на Лохвицу, чтобъ повернуть другимъ путемъ назадъ къ московской границѣ. Пословъ провожали Тетеря и эсаулъ Ковалевскій, недавно еще передъ Кикинымъ поносившій поступки гетмана, а теперь оправившійся вмѣстѣ съ Тетерею, котораго обвинялъ въ предательствѣ, посломъ къ польскому королю съ засвидѣтельствованіемъ ему покорности. Сошедшись съ однимъ шляхтичемъ, Москаль всѣми силами хотѣлъ допытаться, отъ кого и съ чѣмъ пріѣзжало посольство это, но шляхтичъ увѣрялъ его, что самъ онъ ничего не знаетъ.

⁽¹⁾ См. Гадячск. Ком., Ист. Малор. Марк. III. 159. 172.—Ann. Polon. Cl. II, 316-317.—Лѣт. малор.—Hist. ad exc. Vlad. IV, 419.—Лѣт. Велич. I, 335-337.—Hist. pan. Jan. Kaz. I, 361-365.—Кр. опис. о коз. мал. нар., 83-89.—Лѣт. пов. о Мал. Рос., II. 7.—Jerl. II, 17-30. Списки въ дѣлахъ Архива Иностр. Дѣлъ, и въ Архивѣ Синодскомъ.

⁽²⁾ Ann. Pol. Cl., II, 317-318.—Hist. pan. Jan. Kaz., 365.—Wojna dom., ч. II, 273.

Выговскій двинулся къ границамъ, вошелъ въ московскіе предѣлы, сталъ подъ городомъ Каменнымъ и отправилъ къ воеводамъ требованіе, чтобъ ему выдали бунтовщиковъ, которые скрываются въ пограничныхъ московскихъ городахъ. У путивльскаго воеводы онъ домогался возвращенія своихъ враговъ, братьевъ Залогъ и показывалъ видъ, что стоитъ, дожидаясь возвращенія Кикина изъ Москвы, который долженъ былъ привезти рѣшительный отвѣтъ. Въ случаѣ неудовлетворенія, гетманъ грозилъ нападать на великорусскіе города и вести войну. Нѣкоторые изъ его приближенныхъ совѣтовали немедля идти войной прямо на Бѣлгородъ, а оттуда на Путивль, но большинство было противъ этого, въ особенности послѣ первыхъ неудачныхъ попытокъ: въ концѣ сентября казаки напали-было на городки Каменное и Олешню, но великорусскіе ратные люди отразили ихъ съ урономъ. Изъ Глухова партіи казаковъ наскakивали на великорусскія сосѣднія деревни, но были также отбиты.

Между тѣмъ, Татары, скучая ожиданіемъ войны, разсыпались по малороссійскимъ селеніямъ, грабили и брали въ плѣнъ людей и гоняли ихъ въ Крымъ. Поднялись жалобы.

»Что же мы здѣсь стоимъ?« кричали казаки въ обозѣ: »дома у насъ татары женъ уводятъ!«

И казаки стали толпами расходиться назадъ. Гетманъ не могъ удержатъ волненія, созвалъ къ себѣ мурзъ и говорилъ имъ:

»Мы призвали васъ усмирить бунтовщиковъ, а не для того, чтобъ невинныхъ убивать и загонять въ плѣнъ. Если вы будете такъ поступать съ нашими, то вамъ не отойти отъ насъ въ добромъ здоровьи.«

Чтобъ не навлечь на себя возстанія, гетманъ отступилъ къ Веприку въ предѣлы Малороссіи; онъ былъ принужденъ дозволить казакамъ бить Татаръ, если тѣ будутъ своевольничать. Тогда Татары стали уходить и пошли за рѣку Псѣлъ; казаки гонялись за ними; съ каждымъ днемъ обозъ пустѣлъ. Воевать съ великороссіянами вовсе не было охоты въ массѣ, а между тѣмъ нападенія нѣкоторыхъ шакъ на Каменное и Олешню вызвали то, что Великороссіяне, собравшись шайками, вторгнулись въ Украинну, стали жечь селенія и бить Малороссіянъ. Вдобавокъ, Сербы, бывшіе также въ войскѣ Выговскаго, позволяли себѣ надъ Малороссіянами всякаго рода своевольства и неистовства. Казаки, слыша, что и Татары, и Москали и Сербы распоряжаются у нихъ дома, когда сами они въ чужой землѣ, бѣжали изъ табора безъ удержу. Полковники стали роптать на гетмана и другъ на друга. Даже тѣ, которые были сильными не-

другами московскаго владычества, и тѣ поднялись на гетмана. Гуляницкій упрекалъ его, зачѣмъ онъ вошелъ прежде времени въ царскую землю и раздражаетъ москалей.

»Да не ты ли первый пуще другихъ меня на эту войну поджигалъ?« говорилъ ему гетманъ.

Въ радѣ учинилась ссора и безладница; толковали и такъ и иначе; осмотрѣлись, что сдѣлали кличъ къ войнѣ слишкомъ торопливо и неразсудительно. Царскаго посланника не было обратно. Выговскій надѣялся, что испугаетъ московское правительство рѣшительными выходками, ожидалъ, что тотъ же дьякъ Кикинъ опять пріѣдетъ съ рѣчами, приятными для козацкаго самолюбія и уже приказывалъ готовить встрѣчу желанному послу. Но наступалъ октябрь, приближались осенніе дожди, — время неудобное для походовъ въ чужой землѣ. Великоруссы, которые безпрестанно ѣздили отъ путивльскихъ воеводъ въ козацкій обозъ и обратно, пугали козаковъ тѣмъ, что въ Сѣвскѣ собирается большое войско. Гетманъ, побуждаемый всеобщимъ ропотомъ, долженъ былъ возвратиться, не дождавшись посла и не показавши Москалямъ силы своего оружія.

8 октября гетманъ написалъ письмо къ путивльскому воеводѣ князю Григорію Долгорукову изъ табора подъ Богачкою, за пятнадцать верстъ отъ Днѣпра.

»Всегда я служилъ его царскому величеству вѣрно, и теперь ничего злого не замышляю, и хотѣ мы съ войскомъ своимъ двинулись, а вовсе не думаемъ наступать на города его царскаго величества; я только хотѣлъ умирить домашнее своевольство, и теперь, умиривъ его, мы возвращаемся домой, надѣясь на милость его царскаго величества, уповаая, что онъ, православный государь, не допуститъ проливаться христіанской крови. Только то насъ удивляетъ, что бояринъ Шереметевъ поступаетъ по непріятельски съ Малою Россією, посылаетъ на козаковъ своихъ ратныхъ людей, а тѣ, обнадеживаемые государевою милостью, убиваютъ и въ неволю берутъ людей по нашимъ городамъ и деревнямъ.«

Долгорукій въ письмѣ своемъ упрекалъ его въ томъ, что онъ задерживалъ Портомоина и Тюлюбаева и посадилъ ихъ въ тюрьму. Выговскій отвѣчалъ: »Все это несправедливый извѣтъ на меня сложили; я ихъ не задерживалъ, а они сами по своей волѣ остались: бояться проѣзду отъ своевольниковъ; въ тюрьму никто ихъ не сажалъ: они ходили и ходятъ себѣ на волѣ; а какъ я въ Чигиринъ пріѣду, тотчасъ и отпущу ихъ съ честію къ его царскому величеству.«

Козацкое войско отступило.

XII.

Вмѣсто царскаго посла, ожидаемаго Выговскимъ съ милостивымъ словомъ и съ удовлетвореніемъ его требованій, явилась грозная царская печатная грамота отъ 24 сентября; она была направлена ко всѣмъ Малороссіянамъ, но преимущественно къ козакамъ полтавскаго полка, какъ къ прежнимъ противникамъ Выговскаго. Въ ней были исчислены преступленія Выговскаго противъ царя, не одобрялось то, что онъ нападалъ на Пушкаря съ Татарами, не дождавшись великороссійскихъ войскъ, тогда какъ самъ же онъ просилъ прислать войска; признавались явную измѣною противъ власти его поступки: задержаніе Портомоина и Тюлюбаева, нападеніе на Кіевъ, последнее объявленіе Кикину о рѣшимости идти съ оружіемъ на Ромодановскаго и выдумка, будто бы у московскаго правительства есть намѣреніе побить всю старшину и уничтожить козаковъ. Царь оправдывалъ свое правительство въ томъ, что Пушкарю не было подано помочи: оно должно же было довѣрять гетману, избранному народомъ. Въ заключеніе, гетманъ объявлялся измѣнникомъ и клятвопреступникомъ, и Малороссіяне призывались къ соединенію съ великорусскими воеводами и ратными людьми и къ совмѣстному дѣйствію противъ Выговскаго для сверженія его и для избранія новаго гетмана.

Быстро ожила придуманная пушкаревская партія. Полтава провозгласила полковникомъ Пушкарева сына, Кирика; въ другіе полки изъ Полтавы расходились увѣщанія — отторгнуться отъ власти гетмана; явились на волѣ Донецъ и Довгаль и другіе, которыхъ прежде московское правительство держало подъ стражею, какъ мятежниковъ, а теперь считало защитниками правой стороны. Товарищъ и другъ Пушкаря, Искра, задержанный въ послѣднее время въ Москвѣ, какъ его посланецъ, былъ знакомъ московскимъ боярамъ еще прежде, при Хмельницкомъ; теперь его не только отпустили съ честію, но подали ему надежду сдѣлаться гетманомъ. Онъ прибылъ въ полтавскій полкъ; около него составила партія и провозгласила его гетманомъ. Искра разослалъ универсалы и требовалъ себѣ покорности. Своевольства, которыя терпѣлъ народъ въ послѣднее время, когда войско пребывало въ восточной Украинѣ, озлобили народъ еще пуще противъ гетмана. Кличъ новаго предводителя находилъ себѣ отзывъ въ массѣ. Разогнанные голики стали собираться; опять составилъ полкъ *дейнековъ*, готовыхъ служить воеводамъ, въ надеждѣ грабежа и своевольства.

Гетманъ прїѣхалъ въ Чигиринъ. За нимъ привезли Барабаша въ оковахъ; Выговскій не казнилъ его: онъ какъ-будто тѣшился его страданіями и униженіемъ. Узнавъ о томъ, что дѣлалось по слѣдамъ его въ полтавскомъ полку, онъ написалъ 17 октября путивльскому воеводѣ, выхваляя свою умѣренность, какую онъ показалъ недавно, отступивши назадъ отъ границъ Московіи, представлялъ, что, не дождавшись дьяка Василья Михайлова, подозрѣваетъ, что этотъ дьякъ оговорилъ его передъ царемъ, и упрекалъ правительство, зачѣмъ оно допускаетъ какому-то Искрѣ называться гетманомъ. Задержанныхъ посланцевъ онъ не сталъ болѣе удерживать: 18 октября Портомоинъ былъ освобожденъ изъ-подъ стражи и призванъ къ гетману. Выговскій вручилъ ему листъ къ царю Алексѣю Михайловичу. Въ этомъ листѣ гетманъ жаловался, что царь выдалъ противъ него печатную грамоту, гдѣ объявлялъ его измѣнникомъ, гдѣ будто-бы обвинялъ его въ намѣреніи вводить латинскую вѣру (этого въ грамотѣ и нѣтъ); онъ увѣрялъ въ своей вѣрности царю, просилъ не посылать войскъ. Гетманъ сказалъ Портомоину:

— Мнѣ теперь подлинно стало извѣстно, что тѣ бунтовщики, которые посланы были въ Москву отъ Пушкаря и Барабаша, пожалованы государевымъ жалованьемъ, ихъ подѣляли и гетманами и полковниками, и дали имъ знамена, литавры, трубы, и съ честію на свободу ихъ отпустили изъ Москвы. Бояре и воеводы готовятся на меня идти съ ратными людьми, по наговору Пушкаревыхъ и Барабашевыхъ пословъ, за то, что будто я съ войскомъ и съ Татарами ходилъ на украинные города великаго государя; а я ходилъ вовсе не для разоренія государевыхъ городовъ, но для усмиренія своевольниковъ, и не сдѣлалъ ничего дурнаго государевымъ людямъ. Какъ прежде я служилъ вѣрно великому государю, такъ и теперь вѣрно служу ему. Пусть же государь окажетъ намъ всею свою государскую милость, пусть не посылаетъ бояръ и воеводъ своихъ съ ратными людьми войною на насъ, пусть пришлетъ къ намъ по договору своихъ ближнихъ людей, чтобы мы съ ними постановили статьи; а если государь не изволитъ этого учинить и пошлетъ на насъ ратныхъ людей, то мы будемъ стоять противъ нихъ и станемъ съ ними биться, и будутъ помогать намъ польскіе, шведскіе, волошскіе ратные люди, и Татары крымскіе придутъ, а турецкій султанъ давно уже пишетъ ко мнѣ о соединеніи и даетъ ратныхъ людей на помощь. Повсюду, гдѣ только можно найти ратныхъ людей, нарочно разошлю своихъ станичниковъ, чтобы ко мнѣ собирались поскорѣе. Теперь однако еще не стану воевать и пошлю къ государю своихъ пословъ.

— Я сидѣлъ въ неволѣ, — сказалъ Портомоинъ, — и мнѣ ничего неизвѣстно; а что ты, гетманъ, говоришь, все это я передамъ его царскому величеству.

— Вслѣдъ за тобою, — продолжалъ Выговскій, — я отпущу и Тюлюбаева и всѣхъ прочихъ московскихъ людей, задержанныхъ здѣсь, а самъ пойду подъ Кіевъ, Кіева добывать... на разговоръ подъ Кіевъ пойду! прибавилъ онъ засмѣявшись.

Провожаемый такими угрозами, выѣхалъ Портомоинъ изъ Чигирина, но во время дороги скоро испыталъ, что эти угрозы на самомъ дѣлѣ не очень страшны. Народъ говорилъ ему:

— Какъ гетманъ ходилъ съ войскомъ на границу, тогда много селъ и городовъ разорили козаки, а Татары увели много полону въ Крымъ. Теперь, говорятъ, еще царскіе воеводы придутъ насъ разорять; но мы съ государевыми ратными людьми битися не станемъ; за одно съ ними пойдемъ противъ гетмана.

Дѣйствительно, Выговскій намѣревался сдѣлать другое покушеніе на Кіевъ. Когда онъ возвратился въ Чигиринъ, то узналъ о непріязненныхъ для него поступкахъ Шереметева: отрядъ ратныхъ людей, по приказанію кіевского воеводы, отправился на Бѣлую Церковь; бѣлоцерковскіе козаки вступили съ ними въ бой и были разбиты; самъ полковникъ взять въ плѣнъ. Въ Кіевѣ совершено было нѣсколько казней. Гетманъ, распустивъ своихъ полковниковъ, приказалъ имъ собирать полковые рады и уговорить козаковъ добывать Кіевъ. Но на этихъ радахъ чернь не показывала большой охоты, и нѣкоторые полковники извѣстили гетмана, что вообще, какъ они замѣтили, на своихъ надежда слаба: остается надѣяться на крымскаго хана да на его татаръ. Въ Путивлѣ и пограничныхъ городахъ сильно тревожились; разнеслись слухи, что гетманъ приступилъ къ Кіеву; Шереметевъ былъ отрѣзанъ, невозможно было достать вѣстей, всюду были перехвачены пути; появится какой нибудь Москаль въ Украинѣ, — его тотчасъ задержать или даже убійть. Изъ Путивля какой-то молодецъ Малороссіанинъ взялся провезти въ Кіевъ записку, зашивши ее въ рубаху: это показываетъ, какъ опасно и трудно было тогда проѣзжать черезъ край нескончаемыхъ мятежей и безпокойствъ. Молодецъ не воротился. Другой вмѣсто его неожиданно, для путивльскихъ воеводъ, явился вѣстовщикомъ изъ Кіева: это былъ племянникъ нѣжинскаго протопопа Максима Филимонова, равностнаго сторонника Москвы. Узнавши, что на Шереметева собирается новая гроза, протопопъ составилъ для племянника проѣзжую память, укрѣпилъ ее гетманскою пе-

чатью, снятою съ какой-то гетманской грамоты, и съ этимъ фальшивымъ документомъ отправилъ его будто бы въ Чигиринъ. Онъ ѣхалъ черезъ Кіевъ какъ бы проездомъ, видѣлся съ Шереметевымъ, взялъ отъ него письмо къ Ромодановскому, и такимъ же образомъ пробрался черезъ Малороссію въ Путивль. Оттуда воевода благополучно доставилъ его въ Москву, и это побудило правительство послать скорѣе Ромодановскаго въ Украину.

Выговскій готовился къ рѣшительнымъ непріязненнымъ дѣйствіямъ, а все еще продолжалъ увѣрять московское правительство въ своей вѣрности и желаніи признавать царя своимъ государемъ. Письма за письмами посылались въ Москву; главнымъ виновникомъ зла признавался Шереметевъ: обвинялся онъ въ томъ, что разоряетъ украинскія села и деревни, губить народъ, кровь проливаетъ. Старикъ Евстафій, отецъ гетмана, писалъ къ пріятелю своему Бутурлину (съ которымъ такъ подружился въ Кіевѣ, что даже называлъ его нареченнымъ сыномъ), что еслибъ Бутурлинъ оставался воеводою, то и никакихъ смутъ не было бы; все приписывалось поступкамъ Шереметева да Ромодановскаго. »Сынъ мой«, выражался онъ, »какъ присягалъ, такъ и сохранить свою присягу хочетъ и остаться неизмѣннымъ подданнымъ и слугою его царскаго величества; не былъ онъ измѣнникомъ и не будетъ. Но панъ Шереметевъ и панъ Ромодановскій не обращаютъ вниманія на его заслуги; они хотѣли его убить, — намъ сообщали это извѣстіе ваши же милости Москали; потому-то сынъ мой и братъ вашей милости долженъ поневолѣ промысливать, какъ охранить свою жизнь. Шереметевъ святые монастыри ни во что обратилъ, иноки выгнанные скитаются по чужимъ городамъ и по пустынямъ, слугѣ вашей милости Левку велѣлъ Шереметевъ голову срубить, а меня принудилъ бѣжать изъ Кіева въ Чигиринъ.«

Въ одно и тоже время, Выговскій, съ одной стороны, чрезъ полковниковъ возбуждалъ козаконъ на Кіевъ и посылалъ Гуляницкаго съ полками отражать войска, если они выйдутъ; съ другой стороны писалъ универсалы народу, гдѣ запрещалъ оказывать непріязнь къ великорусскимъ войскамъ. Съ московской стороны стали обращаться съ ними подобнымъ же оружіемъ. Выговскій получилъ грамоту, гдѣ было сказано, что если онъ перестанетъ проливать кровь, то ему простятся всѣ вины и будутъ его держать въ милости, со всѣмъ запорожскимъ войскомъ. Въ то же время данъ былъ указъ Ромодановскому войти въ Малороссію, а путивльскіе воеводы по царскому повелѣнію приказали

стряпчему Григорію Касогову идти съ отрядомъ на помощь полтавской партіи, вооружившейся противъ гетмана.

XIII.

Въ началѣ ноября, Ромодановскій вступилъ въ Малороссію съ войскомъ и распустилъ въ народѣ пространный универсалъ: въ немъ ⁽¹⁾ исчислялись преступленія Выговскаго, какъ и въ прежней грамотѣ, данной полтавскому полку, опровергались клеветы, распушенные имъ и его сторонниками, будто царь хочетъ уничтожить козачество, затрогивались интересы и народа: указывалось, что по статьямъ гетмана Хмельницкаго, изъ доходовъ, собираемыхъ въ Малороссіи, слѣдовало давать жалованье козакамъ, а Выговскій не давалъ его и присвоивалъ себѣ доходы, платилъ изъ нихъ иноземному войску, которое держалъ такимъ образомъ на счетъ малороссійскаго народа, для его отягощенія. Народъ малороссійскій приглашался содѣйствовать великороссійскому войску и доставлять ему продовольствіе. По смыслу этихъ статей, какъ-бы цѣлому народу отдавалось на судъ недоразумѣніе, возникшее между московскимъ правительствомъ и гетманомъ.

Съ своей стороны и Выговскій распустилъ въ народѣ универсалъ въ полтавскій полкъ, убѣждалъ казаковъ оставаться ему покорными и стоять противъ непріятеля, то-есть великорусскихъ войскъ: »а въ противномъ случаѣ,» выражался онъ, «намъ ничего инаго не приведется учинить, какъ освидѣтельствовавшись милостивымъ Богомъ, со всѣмъ войскомъ запорожскимъ объявить вашу злобу всему свѣту.»

Пришествіе Ромодановскаго было сигналомъ для Пушкаренковой партіи. Она ожила. По призыву Ромодановскаго, къ войску его начала собираться разогнанная голота, почуявшая грабежъ; опять составилъ полкъ дейнековъ. Миргородскій полкъ первый долженъ былъ испытать казнь, которая готовилась Украинѣ. Великорусскіе ратные люди и дейнеки вторгнулись въ Миргородъ и ограбили его такъ, что жители, по извѣстію лѣтописца, остались совершенно голыми. Степанъ Довгаль сдѣлался опять полковникомъ. Оттуда ополченіе двинулось къ Лубнамъ. Швець не въ состояніи былъ защищаться, собралъ казаковъ и заранѣе вышелъ; состоятельные люди съ своими пожитками бѣжали во всѣ стороны.

(1) Собр. госуд. грамотъ, IV, № 13.

Только бѣдняки остались въ Лубнахъ и пристали къ дейнекамъ. Ратные люди и дейнеки сожгли Лубны и ограбили мгарскій монастырь, гдѣ нашли деньги, замурованныя въ стѣнѣ, по обычаю того времени; князь Ромодановскій едва удержалъ толпу отъ конечнаго разоренія обители. Изъ Лубенъ ополченіе двинулось далѣе, разорило Чорнухи, Горошинъ, Пирятинъ; подъ Варвою имѣло незначительную стычку съ Гуляницкимъ. Потомъ князь расположился съ войскомъ подъ Лохвицею на зимнія квартиры. Дейнеки бродили по лѣвобережной Украинѣ, грабили зажиточныхъ, сожигали ихъ дома....

Лохвицкій лагерь князя Ромодановскаго началъ наполняться и великорусскими ратными людьми, и козаками. Прибыли князь Куракинъ, князь Семень Пожарскій и Львовъ. Чѣмъ болѣе вѣсть о договорѣ съ Польшею разносилась въ народѣ, тѣмъ охотнѣе простаки, отвращаясь отъ мысли побрататься съ Ляхами, бѣжали къ великороссійскому войску. Къ Ромодановскому явился генеральный судья Безпалый, недавно назначенный въ эту должность. Князь собралъ горсть вѣрныхъ царю козаковъ и предложилъ избрать гетмана; они выбрали Безпалого ⁽¹⁾. Новый гетманъ утвердилъ свое пребываніе въ Ромнѣ. Вмѣстѣ съ нимъ назначенъ генеральнымъ эсауломъ Воронокъ ⁽²⁾. Вѣроятно тогда же были избраны новые полковники, вмѣсто отпавшихъ отъ царя приверженцевъ Выговскаго: вмѣсто Швеца избранъ былъ Терещенко ⁽³⁾; у полтавцевъ не долго былъ на полковничьемъ урядѣ Кирикъ Пушкаренко: они избрали Оедора Жученка ⁽⁴⁾. Въ Украинѣ образовалось два управленія и два гетмана. Но не хотѣлъ сложить съ себя достоинства и третій, — Искра, бунчуковый товарищъ полтавскаго полка. Онъ писалъ въ Москву, ссылаясь на то, что ему указали гетманское достоинство еще въ Москвѣ, увѣрялъ, что народъ стоитъ за него. Правительство не нашлось сдѣлать ничего лучше, какъ поручить самому Ромодановскому утвердить, по своему усмотрѣнію, кого-нибудь изъ двухъ. Искра явился въ Гадячъ, называлъ себя гетманомъ, собиралъ около себя посольство, и готовился свергнуть и Выговскаго и Безпалого. По зову Ромодановскаго, 10 января онъ отправился къ Лохвицѣ, и «такъ», говоритъ лѣтописецъ, «былъ упоенъ мыслію о предстоявшемъ гетманствѣ, что не побоялся идти въ сопровожденіи незначительнаго отряда, хотя повсей лѣвобережной Украинѣ отряды партіи Выговскаго сражались съ *дейнеками*. За семь верстѣ

⁽¹⁾ Лѣт. Велич. I, 339 — 340. ⁽²⁾ Лѣт. пов. о Мал. Рос. II, 9.

⁽³⁾ Лѣт. Велич. I, 403. ⁽⁴⁾ Ист. Мал. Рос. II, прим. 14.

отъ Лохвицы, на Искру напали чигиринскіе козаки подѣ начальствомъ Скоробагатенка. Искра напрасно просилъ помощи у князя чрезъ гонцовъ. Ромодановскій отговаривался ночнымъ временемъ и послалъ отрядъ тогда уже, когда этотъ отрядъ могъ увидѣть одни трупы. »Угасла искра, готовая блеснуть!« говорили украинцы. Ромодановскій избавился отъ необходимости выбирать одного изъ двухъ ⁽¹⁾. Но въ концѣ января, какъ кажется, Ромодановскаго не было уже въ Лохвицѣ: является тамъ главнымъ начальникомъ одинъ князь Ѳеодоръ Куракинъ.

Такими стычками ограничивались военныя дѣйствія. Выговскій долго не трогался. Онъ не довѣрялъ своимъ козакамъ, видѣлъ повсемѣстное колебаніе и надѣялся на помощь отъ Крыма и Польши, а между тѣмъ составлялъ наемную дружину изъ Сербовъ, Волоховъ, Нѣмцевъ и Поляковъ: послѣднихъ пришло къ нему три тысячи подѣ начальствомъ Юрія Потоцкаго и Яблоновскаго, да два драгунскихъ полка подѣ командой Лончинскаго ⁽²⁾. Съ одной стороны онъ выжидалъ, какъ приняты будутъ въ Варшавѣ статьи, постановленныя имъ съ Бенѣвскимъ, съ другой заискивалъ расположеніе хана, но въ тоже время показывалъ желаніе оставаться вѣрнымъ царю и отпраздновалъ въ Москву посломъ бѣлоцерковскаго полковника, Кравченка.

Въ концѣ января, Выговскій рѣшился выступить на войну, но не противъ великороссійянъ, а противъ Запорожцевъ: Запорожская Сѣчь обвѣяла себя рѣшительно противъ намѣреній гетмана. »Хотя мы«, писалъ ему кошевой Гомонъ, »и не противились твоему избранію, надѣясь отъ тебя какого-либо добра отечеству, но надежда насъ обманула. Ваша милость не сохранилъ присяги пресвѣтлѣйшему монарху, отцу нашему и благодѣтелю, преклонилъ сердце свое къ лядскимъ прелестямъ, обратился, какъ пестъ на свою блевотину, къ полякамъ отщепенцамъ, отъ которыхъ мы освободились съ такимъ трудомъ и кровопролитіемъ, и разоряешь мать нашу Украину, воздвигшую тебя отъ гноища и удостоившую сидѣть съ князьями. Знай же, что ни ты, ни монархъ твой, король польскій, къ которому возвратился, ничего не сдѣлаете противъ нашего православнаго монарха, при Божіей помощи ⁽³⁾.« Запорожцы, по словамъ современника, ненавидѣли Выговскаго еще сильнѣе послѣ того, какъ онъ побратался съ Татарами и, слѣдовательно, не могъ одобрять обычныхъ запорожскихъ набѣговъ на татарскія поля и Черное море ⁽⁴⁾.

⁽¹⁾ Лѣт. Велич. I, 363 — 364.

⁽²⁾ Hist. rap. Jan. Kaz. II, 22. — Ann. Pol. Clim. II, 377.

⁽³⁾ Лѣт. Велич. I, 353 — 356. ⁽⁴⁾ Пам. Кіев. Ком., т. III, 223.

Запорожцы послали на помощь царскому войску сильный отрядъ подъ начальствомъ Силки. Силка явился въ Зѣньковъ и началъ возбуждать восточную Украину противъ гетмана. Противъ этого-то отряда пошелъ Выговскій, стараясь не допустить до соединенія съ лохвицкимъ войскомъ какъ его, такъ и отряды, которые составлялись въ близкихъ мѣстечкахъ. Чтoby Ромодановскій не ударилъ ему въ тылъ, гетманъ послалъ Немирича беспокоить его.

Немиричъ, 29 января, подошелъ къ Лохвицѣ. Московское войско вышло противъ него, но начальники московской конницы были люди, по увѣренію лѣтописца, неопытные и не могли устоять противъ Немирича. Московитяне заперлись въ Лохвицѣ, и Немиричъ беспокоилъ и удерживалъ ихъ до-тѣхъ-поръ, пока Выговскій расправился съ ихъ союзниками.

4 февраля, Выговскій осадилъ Миргородъ и послалъ въ городъ убѣжденіе отстать отъ Москвы и стоять вмѣстѣ за отечество, и обѣщалъ никому не мстить. Миргородскій протопопъ, по имени Филиппъ, сталъ говорить за Выговскаго и такъ подѣйствовалъ своими рѣчами, что не только убѣдилъ миргородскихъ козаковъ, но и самъ Степанъ Довгаль склонился. Своевольства и грабежи, которые позволили себѣ великорусскіе ратные люди въ городѣ, раздражили миргородцевъ; они отворили ворота и признали власть гетмана. Заклятой врагъ его, котораго взять онъ домогался такъ упорно вмѣстѣ съ другими коноводами противной партіи, явился къ Выговскому, былъ имъ принятъ дружелюбно и повелъ вмѣстѣ съ нимъ своихъ козаковъ далѣе. Великорусскіе ратные люди, находившіеся въ Миргородѣ, были отпущены къ своимъ. Выговскій сталъ обращаться кротко вездѣ, гдѣ слушали его убѣжденій; мѣстечки и села, одно за другимъ, сдавались ему и переходили на его сторону. Великорусскіе воеводы боялись за самого Безпалаго, чтoby и онъ не отказался отъ своего гетманства и не передался Выговскому. Куракинъ изъ Лохвицы поспѣшилъ послать въ Роменъ отрядъ ратныхъ пѣшихъ людей для защиты этого пункта новаго козацкаго управления. Въ самомъ дѣлѣ, ставъ подъ Зѣньковомъ, Выговскій посылалъ къ Безпалому увѣщанія отстать отъ Москвы и соединиться для общаго дѣла. Прочнаго и надежнаго не было ничего въ народномъ убѣжденіи: сдавшись легко на убѣжденія Выговскаго, малороссіане потомъ говорили великорусскимъ ратнымъ людямъ: «Пусть только придетъ сильное царское войско, мы будемъ помогать вамъ противъ Выговскаго.» Зѣньковъ упорствовалъ противъ

гетмана; тамъ засѣли Запорожцы съ своимъ атаманомъ Силкою, и впродолженіи четырехъ недѣль отражали Выговскаго ⁽¹⁾. Выговскій сталъ подъ Зѣньковымъ и переговаривался съ Москвичами.

Въ Москвѣ приняли ласково Кравченка и готовы были уже отпустить его съ благосклонною грамотою къ гетману, какъ вдругъ пришла вѣсть, что Скоробагатко уничтожилъ Искру, а переяславскій полковникъ, Тимофей Цыцура, напалъ на великорусскихъ ратныхъ людей. Кравченка задержали до времени. Московское правительство увидѣло необходимость обращаться съ Выговскимъ, какъ онъ обращался, и не отвергая вовсе его миролюбивыхъ предложеній, собирало на него сильное войско. Главное начальство поручено было боярину князю Алексѣю Никитичу Трубецкому. Сборное мѣсто назначено было въ Сѣвскѣ, куда бояринъ прибылъ 30 января.

И Выговскій, и Безпалый разомъ обращались въ Москву: первый просилъ попрежнему прекратить междоусобіа, изъявлялъ желаніе сойтись съ уполномоченнымъ и возобновить согласіе; второй просилъ прислать пороха и свинца. 13 февраля, Трубецкому доставленъ тайный наказъ, гдѣ поручалось ему устроить съ Выговскимъ мировую, а вслѣдъ затѣмъ онъ получилъ восемнадцать экземпляровъ царской грамоты, возбуждающей Малороссіянъ противъ измѣнника и клятвопреступника Выговскаго, и по царскому приказанію, 18 февраля послалъ Безпалому снаряды и ратныхъ людей на помощь. Въ тайномъ наказѣ Трубецкому, отъ 13 февраля, предписывалось ему сойтись съ Выговскимъ и назначить раду въ Переяславѣ, съ тѣмъ, чтобъ на этой радѣ были всѣ полковники и чернь, и эта рада должна была рѣшить споры. До собранія рады, бояринъ уполномочивался сдѣлать Выговскому широкія уступки, если окажется надобность. Бояринъ долженъ былъ снестись съ Выговскимъ, и, прежде всего, по обоюдному согласію съ нимъ, Трубецкому слѣдовало развести своихъ ратныхъ людей, а Выговскому отпустить отъ себя Татаръ. Для предупрежденія, со стороны Выговскаго, недовѣрія, съ обѣихъ сторонъ слѣдовало учинить вѣру. Бояринъ, съѣхавшись съ Выговскимъ, именемъ царя объявить ему забвеніе всего прошлаго, и гетманъ покажетъ ему статьи, постановленныя съ Поляками. Бояринъ согласится даровать гетману и всему козацкому войску такія же права и привилегіи, какія сулили козакамъ Поляки. Должно думать, содержаніе

(1) Лѣт. Велич. I, 363.

гадячскаго договора тогда еще было не вполне извѣстно въ Москвѣ, ибо въ наказѣ дѣлается оговорка, что согласиться на подобный договоръ съ царемъ можно только тогда, когда въ этомъ договорѣ не окажется *высокихъ и затѣйныхъ статей*, которыя не къ чести *государева имени*. Московское правительство знало однако хорошо, какія выгоды вымогалъ отъ Поляковъ, по гадячскому договору, Выговскій лично себѣ и старшинѣ; оно понимало, что главные поводы склоненія къ Польшѣ заключаются въ личныхъ видахъ старшинъ, и потому щедро расточало дары свои. Гетману обѣщали дать прибавку на булаву; соглашались сдѣлать его кievскимъ воеводою; его родственникамъ и пріятелямъ и вообще полковникамъ и всей старшинѣ рѣшено дать каштелянства и староства; обѣщали удалить Шереметева и не вводить ратныхъ людей въ Украину, а гетманъ долженъ будетъ оставаться въ подданствѣ и прервать союзъ съ Татарами. Всѣ такія обѣщанія, конечно, могли имѣть силу только тогда, когда на радѣ, которую Трубецкой созываетъ въ Переяславѣ, народъ признаетъ гетманомъ Выговскаго; но если произойдетъ иначе, то Трубецкой долженъ былъ вручить булаву тому лицу, кого выберутъ, и новому гетману слѣдовало отдать чигиринское староство, какъ принадлежность гетманскаго уряда.

20 февраля, прибылъ изъ Москвы въ Сѣвскъ подъячій Старковъ съ предложеніями къ Выговскому, и тотчасъ былъ отправленъ въ зѣньковскій лагерь. Велѣдъ за нимъ, Трубецкой съ войскомъ двинулся ближе къ предѣламъ Украины и, 1 марта, прибылъ въ Путивль. Съ тѣхъ поръ три недѣли шли переговоры, которыхъ подробности къ сожалѣнію намъ неизвѣстны. Трубецкой писалъ дружжелюбныя письма къ Выговскому и уговаривался, какъ уладить мировую, но разсылалъ къ народу воззванія — стоять крѣпко противъ измѣнника *Ивашки* и не склоняться на его прелестныя письма.

24 марта, пріѣхалъ отъ Выговскаго Старковъ съ извѣстіемъ, что Выговскій проситъ Трубецкаго съѣхаться съ нимъ для переговоровъ за десять верстъ отъ Ромна, но въ письмѣ къ Трубецкому не написано было ничего о такомъ свиданіи.

Отпустивъ Старкова въ Москву, Трубецкой, 26 марта, отслужилъ молебенъ *грознаму и страшному* Спасу и двинулся со всемъ войскомъ въ Украину. Онъ написалъ въ Лохвицу къ Куракину, а въ Ромень къ Безпалому, чтобъ сходились къ нему. 30 марта, явился Безпалый съ своими полковниками и эсаулами. Трубецкой объя-

вилъ козакамъ, что пришелъ не для войны, а для усмиренія междоусобій и кровопролитія, обнадеживалъ ихъ царскою милостію, и приказывалъ писать въ города и мѣстечки, которые поддались увѣщаніямъ Выговскаго, чтобъ жители рассказали и, по-прежнему, обратились подъ самодержавную царскую руку. «Учини, гетманъ, крѣпкій заказъ, подъ смертною казнію, своимъ полковникамъ и эсауламъ и всѣмъ козакамъ»,—говорилъ Безпалому Трубецкой,—«чтобъ они не дѣлали ничего дурнаго въ государевыхъ черкасскихъ городахъ, не били людей, не брали ихъ въ полонъ, не грабили и ничѣмъ не обижали, и не дѣлали бы имъ никакихъ насилій и разореній, а государевымъ ратнымъ людямъ нашимъ отъ меня заказано тоже подъ смертною казнію.» Безпалый обѣщалъ, и былъ отпущенъ въ Роменъ снова.

Наступилъ апрѣль. Отъ Выговскаго не было извѣстія. Приведенные въ великорусскій лагерь языки извѣщали, что гетманъ отступилъ отъ Зѣнькова и уѣхалъ въ Чигиринъ; а, между тѣмъ, Гуляницкій съ козаками и Татарами прибылъ въ Конотопъ и оттуда разсылалъ партіи, которыя нападали на великорусскія села около Путивля, Рыльска и Сѣвска, разоряли ихъ, убивали и брали въ плѣнъ людей.

Пріѣхалъ изъ Москвы Кравченко. Трубецкой, призвавъ его къ себѣ, изложилъ ему все поведеніе Выговскаго, и сказалъ:

— Скажи гетману и всѣмъ козакамъ, чтобъ они отстали отъ своихъ неправдъ и остались подъ рукою великаго государя по-прежнему, безо всякаго сомнѣнія; а если они не придутъ въ познаніе и не станутъ бить челомъ государю о своихъ винахъ, то я иду съ ратными людьми, и что надъ ними учинится, то будетъ имъ не отъ меня, а отъ самихъ-себя.

Кравченко поклялся, что будетъ уговаривать гетмана и полковниковъ.

— Мы,—сказалъ онъ,—посланы къ государю отъ всей черни съ рады, и будемъ по всѣмъ городамъ и мѣстечкамъ выславлять премногую милость и жалованье великаго государя.

Въ концѣ марта, Выговскій возвратился въ Чигиринъ. Наступила Пасха. По тогдашнему обычаю, на праздникъ Пасхи полковники и другіе чиновники съѣзжались къ гетману съ поздравленіемъ. Выговскій, пользуясь этимъ случаемъ, созвалъ ихъ на раду.

Выговскій не довѣрялъ московскимъ предложеніямъ. Въ нихъ полагалось условіемъ—собрать раду: Выговскій опасался, что на этой радѣ стечется много недоброжелателей, выберутъ другаго гетмана, и

бояринъ, который будетъ рѣшителемъ дѣла, нарушить все данныя ему общанія. Притомъ же, московское правительство очевидно ему не довѣряло, и предлагая мировую, дѣйствовало противъ него, и соединялось съ его врагами. Онъ представилъ полковникамъ грозящую всемъ имъ бѣду, увѣрилъ, что москали ихъ обманываютъ, и по общему приговору, разослалъ по Украинѣ универсалъ. Гетманъ извѣщалъ въ немъ украинскій народъ о причинахъ, которыя побуждаютъ его призывать народъ къ оружію противъ московскихъ войскъ; онъ доказывалъ, что царскіе комиссары на виленской комиссіи 1656 года постановили отдать Украину подъ польское владычество, коль скоро царь получитъ польскую корону; поэтому гетманъ и старшины разсудили, что гораздо лучше соединиться съ Польшею на правахъ вольной націи, чѣмъ быть отданными въ неволю. «Другая причина», писалъ Выговскій, «побуждающая насъ отложиться отъ державы российской, есть та, что мы освѣдомились несомнѣнно, что его царское величество прислалъ князю Григорью Григорьевичу Ромодановскому свою высокую грамоту, повелѣвающую истребить гетмана со всею старшиною, уничтожить все права и вольности наши, оставить козаковъ только десять тысячъ, а весь остальной народъ украинскій сдѣлать вѣчными крестьянами и невольниками (1)».

Этотъ универсалъ на первыхъ порахъ перепугалъ Украинцевъ на правой сторонѣ Днѣпра (2); на лѣвой только переяславскій, прилуцкій, нѣжинскій и черниговскій полки держались Выговскаго (3).

Между тѣмъ, Трубецкой, 10 апрѣля, въ Константиновскомъ соборѣ отслужилъ молебенъ грозному и страшному Спасу и двинулся на Конотопъ, и въ то же время написалъ къ Безпалому въ Роменъ, и въ Лохвицу къ Куракину, чтобъ съ обѣихъ сторонъ сходились къ нему для соединенія. 13 апрѣля, на дорогѣ, присталъ къ нему Безпалый съ своими козаками; 16-го, они достигли Конотопа, прогнали отрядъ, наблюдавшій за путемъ; 21-го, явился къ нему князь Ѳеодоръ Куракинъ съ Пожарскимъ и Львовымъ и со всемъ войскомъ, стоявшимъ въ Лохвицѣ. Малороссійскій лѣтописецъ пишетъ, что прилуцкій полковникъ, Дорошенко, хотѣлъ загородить москвитянамъ дорогу, но товарищъ Ромодановскаго, отважный князь Семень Ивановичъ Пожарскій, поразилъ его подъ Срибнымъ. «Дорошенко», говоритъ лѣтописецъ, «словно заяцъ бѣжалъ

(1) Лѣт. Велич. I, 366—367.

(2) *ibid.* 367.

(3) Лѣт. Сам. 31.—Лѣт. Велич. I, 367, 372.

по болотамъ, спасаясь отъ гибели, а князь Пожарскій приказалъ перерѣзать всѣхъ жителей мѣстечка Срибного ⁽¹⁾».

Въ Конотопскомъ замкѣ было два полковника, нѣжинскій и черниговскій, съ своими полками, всего до четырехъ тысячъ человѣкъ. Прежде приступа, Трубецкой написалъ къ Гуляницкому письмо, извѣщалъ, что присланъ для успокоенія междоусобій и для прекращенія кровопролитія, убѣждалъ вспомнить единую православную вѣру и царскую милость, отстать отъ неправдъ, бить челомъ въ винахъ своихъ и выслать добрыхъ и знатныхъ людей для переговоровъ.

Вмѣсто отвѣта, изъ города раздались выстрѣлы изъ пушекъ и ружей. «Мы сѣли на смерть,» закричали козаки: «не сдадимъ города!»

Тогда Трубецкой приказалъ стрѣлять по городу и въ городъ.

Соединенное великорусское войско принялось осаждать Гуляницкаго. Съ 21 апрѣля до 29 іюня, длилась эта осада; многочисленное великорусское войско, подъ командою Трубецкаго, осаждало четыре тысячи нѣжинцевъ и черниговцевъ и не взяло ихъ. Замокъ былъ окруженъ глубокимъ ровомъ и высокимъ валомъ. Нѣсколько дней безъ умолку гремѣли пушки, летали гранаты въ городъ, ратные люди рыли подкопы; 28 апрѣля, передъ разсвѣтомъ, отпѣвши молебенъ, все войско полѣзло на приступъ. Все было напрасно: не зажигался замокъ отъ гранатъ, перерваны были подкопы; московитяне успѣли-было взобраться на стѣны, но отбитые съ урономъ, возвратились съ приступа, и осажденные съ высокихъ валовъ отвѣчали осаждающимъ ядрами и картечью такъ-мѣтко, что нанесли имъ гораздо болѣе вреда, чѣмъ сами претерпѣли. Московскіе стрѣльцы и пушкаріи только даромъ тратили «государево зелье», какъ называли они порохъ. Трубецкой задумалъ иной родъ войны: онъ хотѣлъ засыпать ровъ, окружавшій замокъ, но козаки частыми выстрѣлами перерывали работу, дѣлали смѣлыя вылазки, спускались въ ровъ и уносили землю, накиданную туда великороссіянами, на свой валъ: такимъ образомъ, ровъ оставался такъ же глубокъ какъ и прежде, а валъ дѣлался выше, и козацкія ядра поражали осаждающихъ еще удачнѣе. Такъ прошло нѣсколько недѣль ⁽²⁾. Наскучивъ осадой, Трубецкой послалъ Ромодановскаго и Скуратова къ Борзни. 12 мая, московитяне напали на Борзну. Начальствовавшій борзенскими козаками, Василій Золотаренко, шуринъ Богдана Хмельниц-

(1) Лѣт. Велич. I, 372.

(2) Лѣт. Самов. 31.—Ист. Мал. Росс. II, 36—37.

каго, былъ разбитъ; Борзна была взята и сожжена; много жителей истреблено; женъ и дѣтей козацкихъ привели плѣнными подѣ Конотопъ и отправили въ Великороссію. 21 мая, по тайному письму неизмѣннаго благопріятеля московской стороны, протопопа Филимонова, Ромодановскій, Куракинъ и козаки, подѣ начальствомъ Безпалаго, двинулись къ Нѣжину. Нѣжинцы сдѣлали вылазку; великороссіяне прогнали ихъ въ городъ, но на другой сторонѣ стояло большое войско, состоявшее изъ сербовъ, поляковъ, татаръ; великороссіяне пошли на нихъ, произошелъ бой,—татары отступили; въ плѣнь попался козацкій предводитель Скоробагатенко, наказный гетманъ. Однако князь побоялся преслѣдовать татаръ, предполагая, что они нарочно заманиваютъ его за собою въ погоню, чтобъ навести на большое войско, и воротился къ Трубецкому вести осаду (1).

Не зная, гдѣ Выговскій и что съ нимъ дѣлается, Трубецкой, 4 іюня, рѣшился еще разъ попытаться прекратить кровопролитіе мирными средствами. Онъ отправилъ отыскивать его донскихъ козаковъ съ письмомъ: по-прежнему, бояринъ предлагалъ мятежному гетману миръ и просилъ прислать трехъ знатныхъ человѣкъ для разговора. До 27 іюня не было ни слуху ни духу отъ Выговскаго.

Выговскій не помогалъ Гуляницкому, потому что дожидался хана; козаковъ, державшихся его партіи, было только шестнадцать тысячъ. Махметъ-Гирей явился не ранѣе 24 іюня, съ тридцатью тысячами ордынцевъ (2). Первое свиданіе его съ гетманомъ было на Круничъ-полѣ. Союзники утвердили свою дружбу взаимною торжественною присягою: гетманъ съ старшинами присягнулъ отъ лица всей Украины,—полковники присягали за свои полки, сотники за свои сотни; потомъ ханъ, султаны и мурзы присягали по-своему закону—не отступать отъ козаковъ и помогать противъ московитянъ, пока не изгонятъ изъ Украины московскихъ войскъ (3). У Выговскаго, сверхъ-того, было нѣсколько тысячъ наемныхъ войскъ—сербовъ, волоховъ, но преимущественно—поляковъ (4).

Соединенное козацкое и татарское войско выступило къ Конотопу.

(1) Лѣт. Самов., 31.

(2) Ann. Polon. Clim. II, 377.

(3) Лѣт. Самов. 31.—Лѣт. Малор.

(4) Ann. Polon. Clim. II, 377.—Лѣт. Сам. 32.—Лѣт. Велич. I, 373.—Лѣт. пов. о Мал. Рос. II, 20.—Ист. Мал. Росс. II, 38.

Подъ Шаповаловкою встрѣтился съ ними московскій отрядъ, посланный для взятія языковъ. Произошло сраженіе; великоруссы были разбиты наголову, и этотъ первый успѣхъ ободрилъ козаковъ ⁽¹⁾.

Въ числѣ плѣнниковъ былъ Силка, храбрый защитникъ Зѣнькова, котораго Выговскій приказалъ приковать къ пушкѣ ⁽²⁾.

Плѣнники высказали положеніе войска подъ Конотопомъ и прибавили, что полководцы вовсе не ждутъ прихода непріятелей. Въ самомъ дѣлѣ, воеводы не имѣли никакого свѣдѣнія о томъ, что непріятель былъ такъ близко отъ нихъ ⁽³⁾.

Союзникамъ оставалось до Конотопа пятнадцать верстъ; тутъ надобно было переправляться чрезъ болотистую рѣку Сосновку. Выговскій осмотрѣлъ мѣстность: она показалась ему такова, что сраженіе, данное на ней, могло кончиться совершеннымъ пораженіемъ одного изъ враждебныхъ войскъ. Козаки могли надѣяться на побѣду, потому что у нихъ было время устроить свое войско выгоднымъ образомъ; надобно было только заманить москвитянъ.

Выговскій расположилъ свое козацкое войско на широкомъ лугу, въ закрытомъ мѣстѣ ⁽⁴⁾, и отдалъ начальство надъ войскомъ Стефану Гуляницкому, брату осажденнаго въ Конотопѣ, а самъ, отобравъ себѣ небольшой отрядъ, пригласилъ съ собою султана Нураддина и переправился на другую сторону рѣки Сосновки, съ намѣреніемъ напасть въ тылъ на осаждающихъ, потомъ побѣжать, заманить за собою москвитянъ и навести ихъ на оставшееся козацкое войско; ханъ съ ордою отправился впрямую на урочище Торговицу, верстъ за десять, съ цѣлью ударить въ другой разъ въ тылъ непріятелю, когда Выговскому удастся его вывести ⁽⁵⁾.

27 іюня, во вторникъ, Выговскій переправился черезъ рѣку и внезапно ударилъ въ тылъ осаждавшимъ конотопскій замокъ. Неожиданное появленіе непріятеля смѣшало великороссянъ; въ тревогѣ, они побѣжали, и козаки захватили много лошадей у конницы, которая, впопыхахъ, не успѣла вскочить на нихъ во-время. Но въ нѣсколько часовъ москвитяне поправились. Воеводы замѣтили, что у Выговскаго войска по крайней мѣрѣ въ десять разъ меньше чѣмъ у нихъ. По-

(1) Лѣт. Велич. I, 373.

(2) Лѣт. Самов. 31.—Лѣт. Малор.

(3) Gründliche und wahrhaftige Relation von dem glücklichen Siege, etc. —

(4) Лѣт. Велич. I, 373.

(5) Лѣт. Самов., 32.

жарскій ударилъ на козаковъ—они повернули назадъ и убѣжали за Сосновку.

Настала ночь. Нѣсколько козаковъ было взято въ плѣнъ, другіе добровольно явились служить царю.

— Неужели у Выговскаго всего-на-все столько войска, сколько было здѣсь?—спросилъ ихъ Пожарскій.

— Нѣтъ,—отвѣчали козаки.—Не гонись, князь, за нимъ: онъ нарочно заманиваетъ васъ въ засаду. Съ нимъ много козаковъ, и самъ ханъ съ ордою, а съ ханомъ славные воины: султаны Нурадинъ, и Калга, мурзы Дзыманъ-Сайдакъ и Шуринбей.

— Давай ханишку!—закричалъ Пожарскій:—давай Нурадина, давай Калгу, давай Дзыманъ-Сайдака и Ширинбея! Всѣхъ ихъ бодѣныхъ матерей вырубимъ и выплѣнимъ!

Напрасно Трубецкой останавливалъ Пожарскаго. Отважный князь не послушался. «Онъ,» говоритъ лѣтописецъ, «слишкомъ вѣрилъ въ свою непобѣдимость послѣ удачи подъ Срибнымъ. 28 июня, рано, Пожарскій съ тридцатью тысячами переправился за Сосновку ⁽¹⁾. Другая половина войска, подъ начальствомъ Трубецкаго, оставалась подъ Конотопомъ; при ней былъ Безпалый съ козаками ⁽²⁾».

Перешедши черезъ Сосновку, московитяне ставили батареи, устраивались въ боевой порядокъ; Выговскій не препятствовалъ имъ. Но въ то время, когда московитяне приписывали это бездѣйствіе козаковъ трусости, пять тысячъ украинцевъ, подъ командой Стефана Гуляницкаго, рыли извилинами ровъ по направленію къ широкому мосту, по которому прошло московское войско. Какъ-только они довели свои работы близко къ московскому войску и могли быть имъ замѣчены, Выговскій сдѣлалъ нападеніе, но послѣ первыхъ отвѣтныхъ выстрѣловъ, побѣжалъ. Пожарскій, увѣренный, что козаки трусятъ передъ его доблестью, бросился за ними. Выговскій отступилъ еще далѣе... Все войско московское снялось съ своей позиціи, съ жаромъ преслѣдовало козаковъ и удалилось на значительное разстояніе отъ моста.

Тѣмъ временемъ, козаки, быстро копавшіе ровъ, очутились въ тылу московскаго войска, бросились на мостъ, изрубили его, и остатками его затруднили мелководную рѣку: вода начала разливаться изъ русла по вязкому лугу. Это неожиданное явленіе подало Гуляницкому мысль не только преградить московитянамъ обратный путь черезъ Сосновку,

(1) Лѣт. Велич. I, 374.

(2) Ист. Мал. Росс. 38.

но затруднить имъ ходъ по лугу. По его приказанію, козаки разстѣлись по болоту: одни косили траву и камышъ, другіе рубили тальникъ и лозу и бросали въ воду. Въ нѣсколько минутъ рѣка была запружена, и вода разливалась во все стороны.

Увидѣвши позади себя козаковъ, москвитяне перестали гнаться за Выговскимъ и обратились назадъ; тогда въ свою очередь погнались за ними бѣжавшіе козаки, и вдругъ москвитяне были оглушены страшнымъ крикомъ и свистомъ: орда съ ханомъ и воинственными мурзами порывисто летѣла прямо на лѣвое крыло московскаго войска. Москвитяне хотѣли удержать напоръ, но тутъ Выговскій съ козаками и наемнымъ войскомъ ударилъ на нихъ съ правой стороны. Москвитяне, стѣсненные съ боковъ, подались назадъ...

Но назадъ имъ не было ходу: вода, разлившись по лугу, превратила его въ болото; не двигались московскія пушки; погразили по-брюхо московскія лошади; москвитяне пустились—было бѣжать пѣшкомъ, но идти было также невозможно ⁽¹⁾. «Развѣ тотъ могъ убѣжать», говоритъ лѣтописецъ, «у кого были крылатые кони ⁽²⁾».

Напрасно рвался изъ всехъ силъ Пожарскій, напрасно хотѣлъ выбраться на сухое мѣсто ⁽³⁾: тридцать тысячъ вѣрныхъ царю русскихъ погибло въ этотъ ужасный день. Татары не жалѣли ихъ, потому что съ простыхъ нельзя было надѣяться окупа; а козаки были ожесточены противъ этого войска, которое, по увѣренію Выговскаго и старшинъ, приходило будто бы для того, чтобы уничтожить ихъ права и обращать ихъ самихъ въ невольниковъ.

Пожарскій былъ схваченъ и приведенъ къ Выговскому. Князь рѣзко началъ выговаривать ему за измѣну царю, и Выговскій отослалъ его къ хану.

Повелитель правовѣрныхъ сказалъ ему чрезъ толмача:

— Ты слишкомъ безразсуденъ, князь, и легкомысленъ: ты осмѣлился не страшиться нашихъ великихъ силъ и теперь достойно наказанъ, ибо черезъ твое легкомысліе погибло столько храбраго и невиннаго московскаго войска.

Князь Пожарскій, говоритъ лѣтописецъ, не посмотрѣлъ, что былъ въ плѣну, но въ отвѣтъ на ханское замѣчаніе угостилъ ханскую мать

(1) Ann. Pol. Cl. II, 380—381.—Лѣт. Велич. I, 375.—Hist. pan. Jan. Kaz. II, 24.

(2) Лѣт. Велич. I, 375.

(3) Hist. pan. Jan. Kaz. II, 25.

эпитетомъ, неупотребительнымъ въ печатномъ словѣ, и плюнулъ хану въ глаза. Разъяренный ханъ приказалъ отрубить ему голову передъ своими глазами. «Отозвалось ему», говоритъ украинскій лѣтописецъ, «истребленіе невинныхъ жителей Срібнаго ⁽¹⁾». Вмѣстѣ съ нимъ, ханъ въ ярости приказалъ изрубить и другихъ знатныхъ плѣнниковъ; въ числѣ ихъ былъ сынъ знаменитаго Прокопья Ляпунова, Левъ, двое Бутурдиныхъ и нѣсколько полковниковъ. Пожарскій явилъ себя настоящимъ великорусскимъ народнымъ молодцомъ. Народная память оцѣнила это и передала его подвигъ потомству въ пѣснѣ ⁽²⁾.

(1) Лѣт. Велич. I, 375.

(2) За рѣкою, переправою, за деревнею Сосновкою,
 Подъ Конотопомъ подъ городомъ, подъ стѣною бѣлокаменной,
 На лугахъ, лугахъ зеленыхъ,
 Тутъ стоятъ полки царскіе,
 Все полки государевы,
 Да и роты были дворянскія.
 А изъ далеча изъ чиста поля,
 Изъ того ли изъ раздолья широкаго,
 Кабы черныя вороны табуномъ табунились,
 Собирались, съѣзжались Калмыки со Башкирціи,
 Напущались Татарове на полки государевы;
 Они спрашиваютъ Татарове
 Изъ полковъ государевыхъ себѣ сопротивника.
 А изъ полку государева сопротивника
 Не выбрали ни изъ Стрѣльцовъ, ни изъ солдатъ молодецъ.
 Втапору выѣзжалъ Пожарской князь
 Князь Семень Романовичъ,
 Онъ бояринъ большой словецъ, Пожарской князь,
 Выѣзжалъ онъ на вылазку
 Спротивъ Татарина и злодѣя наѣздника;
 А татаринъ у себя держать въ рукахъ копьѣ острое,
 А славной Пожарской князь
 Одну саблю острую во рученькѣ правыи.
 Какъ два ясныя соколы въ чистомъ полѣ слитались,
 А съѣжались въ чистомъ полѣ
 Пожарской бояринъ съ Татаринимъ.
 Помогай Богъ князю Семену Романовичу Пожарскому—
 Своєю саблей острою онъ отводилъ остро копьѣ Татарское,
 И срубилъ ему голову, что Татарину наѣзднику.
 А завyli злы Татарове поганые,
 Убилъ у нихъ наѣздника, что ни славнаго Татарина.
 А злы Татарове Крымскіе, они злы да лукавые,
 Подстрѣлили добра коня у Семена Пожарскаго,
 Падаеть его окорачъ доброй конь,

29 июня, вышелъ Гуляницкій, съ своими нѣжинцами и черниговцами, изъ двѣнадцати—недѣльнаго заключенія. Въ отрядѣ его оставалось тогда только двѣ тысячи пять—сотъ человѣкъ ⁽³⁾.

2 июля, князь Трубецкой сталъ отступать, переправился черезъ рѣку, съ большими неудобствами; многіе утонули во время переправы.

Побѣдители погнались за нимъ, но Трубецкой окопался и отразилъ напоръ непріятеля; самъ Выговскій былъ въ опасности: осколокъ ядра ранилъ его лошадь и задѣлъ ему кафтанъ ⁽⁴⁾. Трубецкой

Возкричитъ Пожарской князь во полки государевы:

«А и вы солдаты новобранные, вы стрѣльцы государевы!

Подведите мнѣ добра коня, увезите Пожарскаго,

Увезите во полки государевы».

Злы Татарове крымскіе, они злы да лукавые,

А метались грудю, полонили князя Пожарскаго,

Увезли его во свои стени крымскія

Къ самому Хану Крымскому—деревенской шишиморѣ,

Его сталъ онъ допрашивать:

«А и гой еси, Пожарской князь,

Князь Семень Романовичъ!

Послужи ты мнѣ вѣрою, да ты вѣрою правдою,

Заочно неизмѣною,

Еще какъ ты Царю служилъ, да Царю своему Бѣлому;

А и такъ-то ты мнѣ служи, самому Хану Крымскому,

Я вѣдъ буду тебя жаловать златомъ и серебромъ,

Да и женки прелестными: и душами красными дѣвицами».

Отвѣчасть Пожарской князь самому Хану Крымскому:

«А и гой еси Крымской Ханъ—деревенской шишимора!

Я бы радъ тебѣ служить, самому Хану Крымскому.

Кабы не скованы мои рѣзвы ноги,

Да не связаны бѣлы руки во чембуры шелковые,

Кабы мнѣ сабелька острая,

Послужилъ бы тебѣ вѣрою на твоей буйной головѣ,

Я срубилъ тебѣ буйну голову».

Скричитъ тутъ Крымской Ханъ,—деревенской шишимора:

«А и вы Татары поганые!

Увезите Пожарскаго на горы высокія, срубите ему голову,

Изрубите его бѣло тѣло во части во мѣлкія,

Разбросайте Пожарскаго подальше чисту полю».

Кабы черные вороны закричали, загайкали,

Ухватили Татарове князя Семена Пожарскаго,

Повезли его Татарове они на гору высокую.

Сказали Татарове князя Семена Пожарскаго,

⁽³⁾ Лѣт. Самов. 32.

⁽⁴⁾ Gründl. Relation.

дошелъ до рѣки Семи, въ десяти верстахъ отъ Путивля; но далѣе не могъ обороняться, и ушелъ къ Путивлю. Выговскій отказывался преслѣдовать войско московское на московской землѣ. Напрасно поляки, служившіе у Выговскаго на жаловань, изъ мести за Гонѣвскаго, только-что передъ тѣмъ, въ мирное время, схваченнаго Хованскимъ въ Вильнѣ, упрасивали его; напрасно ханъ убѣждалъ гетмана ⁽⁵⁾: Выговскій показывалъ видъ, что поднималъ оружіе только для того, чтобъ изгнать изъ Украины московское войско, причиняющее бѣдствія народу и разореніе краю, а вовсе не намѣренъ вести войны

Отрубили буйну голову,
Изсѣкли бѣло тѣло во части во мѣлкя,
Разбросали Пожарскаго подалече чисту полю,
Они сами уѣхали къ самому Хану Крымскому.
Они день другой нейдуть, никто не провѣдаетъ,
А изъ полку было государевы козаки двое выбрались,
Эти двое козаки молодцы,
Они на гору пѣшкомъ пошли,
И взошли туто на гору высокую,
И увидѣли тѣ молодцы то вѣдъ тѣло Пожарскаго:
Голова его по себѣ лежитъ, руки ноги разбросаны,
А его бѣло тѣло во части изрублено.
И разбросано по раздолью широкому.
Эти козаки молодцы его тѣло собрали,
Да въ одно мѣсто складывали;
Они сняли съ себя липовый лубъ,
Да и тутъ положили его,
Увязали липовой лубъ накрѣпко,
Повесли его Пожарскаго Конотопу ко городу.
Въ Конотопѣ городѣ пригodiлся тамъ епископъ быть,
Собиралъ онъ епископъ поповъ и дьяконовъ
И церковныхъ причетниковъ.
И тѣмъ казакамъ удалымъ молодцамъ
Приказалъ обмыть тѣло Пожарскаго.
И сложили его бѣло тѣло въ домовище дубовое,
И покрыли тою крышкою бѣлодубовою;
А и тутъ люди дивовалися,
Что его тѣло въ мѣсто сrostалось,
Отпѣвавши надлежащее погребеніе,
Бѣло тѣло его погребли во сыру землю,
И пропѣли пѣтье вѣчное
Тому князю Пожарскому (*).

(5) Hist. pan. Jana Kaz. I, 26.—Ann. Polon. Clim. II, 381.

(*) Древн. стих., собр. Киршею Даниловымъ.

съ царемъ и великорусскимъ народомъ. «Вѣроятно,» замѣчаетъ польскій историкъ, «онъ боялся, чтобъ козаки не отпали отъ него, если онъ выйдетъ изъ Украины (1).»

Выговскій отступилъ къ Гадячу (2) и отослалъ къ Іоанну — Казиміру взятое у московитянъ большое знамя, барабаны и пушки (3); потомъ отправился въ Чигиринъ и занялся планомъ изгнанія великорусскаго войска изъ Кіева (4). Ханъ съ татарами удалился въ Крымъ, а нѣсколько татарскихъ *загоновъ* разсыпались по московской землѣ (5).

XIV.

Въ Варшавѣ начался сеймъ. Собранные члены Рѣчи-Посполитой разсуждали о своихъ дѣлахъ и съ нетерпѣніемъ ожидали козаковъ. Явились наконецъ и послы отъ новосозданнаго Великаго Княжества Русскаго. Изъ генеральныхъ старшинъ прибыли Носачъ и Груша, полковникъ Лѣсницкій, опять начальствовавшій миргородскимъ полкомъ; отъ полковъ были присланы по два сотника; сверхъ того, была съ ними толпа знатныхъ козаковъ, — всего человѣкъ до двухъ-сотъ. Юрій Немиричъ, депутатъ отъ Кіева, и Прокопъ Верещага — отъ Чернигова, были на челѣ посольства.

Въ день, назначенный для торжественнаго ихъ приѣма въ сенатской залѣ, сидѣлъ король посреди сенаторовъ. Вошли русскіе послы; впереди шелъ Немиричъ, и остановясь, произнесъ рѣчь, въ которой, послѣ риторическаго приступа, говорилъ такъ:

«Мы являемся въ настоящій день предъ престоломъ его королевскаго величества, предъ собраніемъ всей Рѣчи-Посполитой, послами свѣтлѣйшаго и благороднѣйшаго гетмана всего войска запорожскаго и вмѣстѣ съ тѣмъ цѣлаго русскаго народа, признать предъ лицомъ цѣлаго міра, передъ грядущими вѣками, его величество повелителемъ свободныхъ народовъ, Рѣчь-Посполитую и корону польскую нашу отчизною и матерью. Держава вашего величества во всемъ свѣтѣ сла-

(1) Dzieje pan. Jana Kaz. I, 196.

(2) Лѣт. Самов. 32.

(3) Полн. Собр. Зак. I, 498. — Ист. Мал. Рос. II, 38.

(4) Лѣт. Велич. I, 376.

(5) Лѣт. Самов. 32.

вится свободою и подобна царству божію, гдѣ, какъ огненнымъ духамъ, такъ и человѣческому роду, даются божескіе и человѣческіе законы, съ сохраненіемъ ихъ свободной воли безъ малѣйшаго нарушенія, на всѣ времена съ сотворенія міра. Пусть другія государства и державы славятся своимъ теплымъ климатомъ, стеченіемъ земныхъ богатствъ, избыткомъ золота, драгоценныхъ перловъ и камней, роскошью жизни; пусть красуются передъ цѣлымъ свѣтомъ подобно дорогимъ камнямъ, оправленнымъ въ золотые перстни: ихъ народы не знаютъ истинной свободы; забывая, что одарены отъ Бога свободою волею, они живутъ какъ-будто въ золотой клѣткѣ, и должны оставаться рабами чужаго произвола и желанія. Въ цѣломъ свѣтѣ нельзя найти такой свободы, какъ въ польской Коронѣ. Эта неоцѣнимая, несравненная свобода — и ни что другое — привлекаетъ насъ теперь къ соединенію съ вами: мы рождены свободными, въ свободѣ воспитались, и свободно обращаемся къ равной свободѣ. За нее, за честь и достоинство вашего величества, за благосостояніе всеобщаго отечества, готовы положить жизнь нашу. На ней да созиждется наше неразрывное единство, какъ и на сходствѣ религій, жизни и правъ нашихъ народовъ; свобода и братское равенство да будутъ основою нашего соединенія для потомковъ нашихъ! Государства поддерживаются тѣми же средствами, какими созидаются (*nam regna quibus mediis fundantur, iisdem et retinentur*). Быть-можетъ, всесильная рука устроила наше соединеніе для того, чтобъ другіе народы, послѣдовавъ нашему примѣру, преклонились предъ вашимъ величествомъ, обняли и облюбыли этотъ драгоценный талантъ и клейнотъ польской короны. Да возрастетъ Рѣчь-Посполитая великою и могущественною державою, божіимъ благословеніемъ, счастливымъ царствованіемъ и попеченіемъ вашего величества и благоустройствомъ соединенныхъ земель. Съ нашимъ подданствомъ приносимъ мы вашему величеству, королю и государю, наши просьбы и желанія, въ которыхъ мы не могли быть удовлетворены посредствомъ комиссаровъ; только королевское величество и Рѣчь-Посполитая могутъ дать этому дѣлу совѣтъ, окончательно рѣшить возникшіе вопросы, успокоить озабоченные умы вѣрныхъ подданныхъ его величества, и кроткою королевскою десницею привлечь ихъ всецѣло къ себѣ въ объятія.

«Мы не надѣмся, чтобъ нашелся кто-нибудь въ Рѣчи-Посполитой, кто бы сталъ смотрѣть на насъ съ завистью и недоброжелательствомъ: благородныя души свободны отъ этого порока, а низкія обыкли скрывать свои постыдныя побужденія!»

должны быть возвращены, и при этомъ католической или униатской сторонѣ не предоставлять права, поднявъ споръ о ихъ принадлежности, удерживать ихъ до рѣшенія суда въ своемъ владѣніи. Для этого слѣдовало назначить комиссію, составленную изъ депутатовъ трехъ соединенныхъ земель—Польши, Литвы и Руси, а великій инстигаторъ Русскаго Княжества отберетъ все требуемое и отдастъ православной церкви, а потомъ долженъ быть созванъ въ Брацлавъ сеймъ, и на немъ представлено будетъ донесеніе объ этомъ дѣлѣ. Уніаты и езуиты, коль-скоро станутъ противиться или звать православныхъ къ суду за оскорбленіе святыхъ таинъ, какъ это дѣлалось прежде и составляло обычный предлогъ сдѣлать придирку къ православнымъ, уже за одно упорство и подачу такого позыва должны подвергаться нѣмамъ (безчестію) и наказанію. Равнымъ образомъ за утайку отъ комиссаровъ чего бы то ни было, что будетъ слѣдовать къ возвращенію православной церкви, инстигаторъ Великаго Княжества Русскаго имѣлъ право звать виновныхъ къ надлежащему суду и требовать наказанія — какъ за нарушеніе правъ личныхъ и по имуществу, присвоенныхъ народу, исповѣдующему греческую вѣру — наказанія, положеннаго вообще за сопротивленіе сеймовымъ и трибунальскимъ опредѣленіямъ (*ratione bonorum et personarum et omnium injuriarum ludzi religii greckiej nie unickiej pro poena contra convulsos decretorum tam comitialium iako tribunalitiorum sancita*). Козачество энергически объявляло, что оно твердо рѣшилось не уступать никому всего, что считаетъ церковнымъ достояніемъ на Руси и въ Литвѣ; уніатамъ не слѣдовало позволять быть ни архіепископами, ни епископами, ни архимандритами, ни игуменами, ни священниками; езуитамъ не позволять пребывать въ Великомъ Княжествѣ Русскомъ. Козаки просили расширенія Великаго Княжества Русскаго и присоединенія къ нему воеводствъ Волынскаго, Подольскаго и Русскаго. Всѣ старѣства и русская земля должны быть присоединены къ воеводствамъ и каштелянствамъ русскимъ; а такъ какъ воеводами и каштелянами могли быть только лица греческаго исповѣданія, то тѣмъ самымъ у католиковъ отнималось право на коронныя имѣнія внутри Русскаго Княжества. Чтобъ вознаградить потери пановъ католическаго вѣроисповѣданія, имѣвшихъ имѣнія въ Руси, русскіе просили давать этимъ панамъ первыя вакантныя мѣста въ Польскомъ королевствѣ, а ихъ прежнія имѣнія должны быть отданы туземцамъ. Въ самомъ Великомъ Княжествѣ Русскомъ хотѣли полного равенства шляхетскаго сословія, чтобы князья не присвоивали себѣ преимуществъ. Козаки просили

полной вольности не только въ Великомъ Княжествѣ Русскомъ, но и въ Польшѣ и Литвѣ. Гетманъ и старшины хлопотали о себѣ: гетманъ просилъ себѣ судебной власти надъ всѣмъ рыцарствомъ въ Украинѣ, съ правомъ не являться лично ни въ какой судъ ни по какой жалобѣ, а старшины домогались сугубой награды, ссылаясь на то, что имъ общалъ царь московскій. Разныя лица прислали на сеймъ просьбы, и депутаты должны были ходатайствовать за нихъ ⁽¹⁾.

«Договоръ этотъ,» говорили сенаторы, «нарушаетъ коренные уставы государства въ духовномъ и мірскомъ отношеніи. Въ духовномъ—потому что мы должны противъ совѣсти признать равенство восточной вѣры съ римскою, сами должны хулить унию—соединеніе съ нашего собственною религіею. Въ политическомъ отношеніи гадячскій договоръ разрываетъ старинный договоръ Казимира съ русскою землею, уничтожаетъ старое устройство, вводитъ новое: Русь, давняя провинція Рѣчи-Посполитой, договаривается съ нею какъ — будто чужая страна; мы должны допустить изгнаніе изъ Руси стариннаго дворянства, для того, чтобъ водворить новое, должны терпѣть холоповъ въ самомъ сенатѣ. Очевидно, что Русское Княжество, котораго они домогаются, будетъ совершенно независимое государство, только по имени соединенное съ Рѣчью-Посполитою. Этого мало: можемъ ли мы надѣяться, чтобъ гетманъ украинскій могъ быть вѣрнымъ слугою короля и Рѣчи-Посполитой, когда онъ будетъ облеченъ почти царской властью и имѣть въ распоряженіи нѣсколько десятковъ тысячъ войска? Конечно, онъ будетъ повиноваться до тѣхъ поръ, пока захочетъ; а не захочетъ, будетъ сопротивляться!»

Противъ этихъ доводовъ возражали такимъ образомъ:

«Намъ необходимъ миръ. У насъ трое непріятелей. Дѣла ихъ перепутались. Козаки хотятъ мириться съ нами потихоньку отъ Москвы; Москва разсорилась съ Шведомъ. Теперь самъ Господь Богъ подаетъ намъ способы: козаки, безъ принужденія нашего, сами къ намъ возвращаются; они увидѣли, что ихъ свобода безъ нашей, а наша безъ ихъ свободы, несостоятельна. Если же мы соединимся, то не только возвратимъ отечеству его блескъ, но и силу. Будемъ съ ними договариваться искренно. Не надобно соблазняться тѣмъ, что они желаютъ самобытности, хотятъ своего правительства; конечно, намъ не желательно разлагаться на народы, но такой союзъ съ козаками не разорветъ

(1) Акты Кіев. Комм. III, 315—328.

Рѣчи-Посполитой. Этотъ союзъ будетъ точно такой, какой уже существуетъ съ Литвою. Пусть народъ надъ народомъ не имѣетъ преимуществъ: чрезъ то и сохранится наше государство; напротивъ, предпочтеніе ведетъ къ смутамъ. Часто, подъ видомъ свободы, угнетаютъ другихъ, и оттого возникаютъ междоусобія. Равенство безъ всякаго предпочтенія однихъ другимъ есть душа свободы. Не нужно намъ никакихъ чужеземныхъ гарантій нашего союза съ козаками. Чужеземные государи, хотя бы самые честнѣйшіе, всегда будутъ проводить свою пользу и возмущать наше государство; чужеземцы насъ не сохранять. Лучшая гарантія будетъ взаимная любовь и довѣріе, безъ всякаго предпочтенія одной изъ сторонъ. Мы будемъ охранять свободу Украины или Руси и ея народа, а козаки—насъ. Свобода козаковъ не можетъ быть безопасна безъ связи съ нами. Опытъ уже научилъ ихъ. — — — А когда мы будемъ соединены безъ всякихъ вѣшнихъ посредствъ, тогда наша сила будетъ несокрушима. Миръ съ козаками не долженъ насъ ссорить съ Москвою. Напротивъ, соединимся съ козаками съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы послѣ того помириться и съ Москвою. Вѣдь и козаки намѣрены быть въ соединеніи съ Москвою, чтобъ потомъ взаимными силами обратиться къ какому-нибудь великому предпріятію. Надобно представить московскому правительству, что примиреніе съ козаками ему не во вредъ; надобно съ кротостію доказывать ему, что христіанскимъ государствамъ не слѣдуетъ приобрѣтать оружіемъ то, что можно приобрѣсть путемъ согласія. Мы не отрекаемся отъ договора о наслѣдствѣ; мы знаемъ, что отъ этого будетъ великая польза всему христіанству. Притомъ же, мы—народы одного племени, и мало различны по языку. Будемъ договариваться прямо, не вымышлять никакихъ невозможныхъ условій, обезпечимъ будущимъ королемъ изъ московскаго дома неприкосновенность религіи, обезпечимъ свободу какъ нашу, такъ и Украины, и право избранія государей, хотя только для предостереженія. Москва не станетъ продолжать войны: она и безъ оружія все приобрѣтетъ честно и мирно, съ выгодною для своего и нашего народа. Согласіе наше съ козаками покажетъ Москалю нашу силу и побудитъ согласиться на условія. Вѣдь шведскій король дѣлаетъ намъ теперь гордыя предложенія признать его наслѣдникомъ; но если съ кѣмъ-нибудь мириться на условіяхъ наслѣдства, такъ ужъ лучше съ Москвою. Предложеніе московскому государю остановить войну и позволить намъ раздѣлаться съ Шведами; Шведы должны будутъ помириться, ибо увидятъ иначе свою гибель. Но еслибъ Москва стала посягать на нашу свободу,

то, соединившись съ козаками, мы всегда можемъ взаимными силами охранить ее и воздать за оскорбленіе.»

Другихъ оскорбляло раздаваніе шляхетскаго званія козакамъ. «Умноженіе новыхъ дворянъ унизить достоинство стараго дворянства,» говорили они. «Получившіе благодѣяніе будутъ сильнѣе благодѣтелей. Какому благородному сердцу не больно будетъ, когда старинныя почести польской націи будутъ раздаваться презрѣннымъ холопамъ? Дворянское достоинство, эта награда доблестямъ, потеряетъ свою цѣнность, какъ алмазъ въ кучѣ навоза. Несчастенъ нашъ вѣкъ, когда мы принуждены платить почестями за преступленія и награждать злодѣянія! Да и кому дается дворянское званіе? Тѣмъ, которые не умѣютъ цѣнить его высокаго достоинства, тѣмъ, которые дворянскія грамоты почитаютъ дѣтскими игрушками! Были примѣры, что по случаю потери шляхетской чести за преступленіе, козаки въ насмѣшку спрашивали: а дозволено ли ѣсть и пить потерявшимъ дворянское достоинство? Вотъ—какъ они понимаютъ дворянское достоинство! Да и можемъ ли мы расположить къ себѣ этимъ козаковъ? Козаки всѣ равны между собою; если мы возведемъ въ дворянское достоинство только нѣкоторыхъ, то раздражимъ остальныхъ, которые не получаютъ этого званія, столь для нихъ ненавистнаго. И, правду сказать, мы болѣе вооружимъ противъ себя огромную толпу, чѣмъ возбудимъ благодарность въ тѣхъ, которыхъ допустимъ въ благородное сословіе. Да, если давать козакамъ дворянство, то давать всѣмъ, а не кому—нибудь, дабы всѣхъ, а не малую часть, преклонить къ повиновенію Рѣчи—Посполитой. Но кто же согласится на такое униженіе, чтобъ кивотъ Рѣчи—Посполитой, хранимый отъ вѣковъ какъ величайшее сокровище, отдать на приманку черни? Нѣтъ! если козаки хотятъ соединиться, пусть идутъ къ намъ добровольно, безкорыстно, а не такъ какъ плотоядные животныя, которыхъ надобно приманивать пищею!»

Другіе были противнаго мнѣнія. «Достоинство дворянское,» говорили они, «болѣе имѣетъ цѣны, когда пріобрѣтается доблестями, чѣмъ когда получается чрезъ наслѣдство, когда оно—даръ признательности за службу отечеству, а не награда за лежаніе въ колыбели. Кто своими предками тщеславится, тотъ хвалится чужимъ, а не своимъ: пусть же онъ своими дѣлами покажетъ, что достоинъ званія, которое носить! Иначе законченныя изображенія предковъ, висяція по стѣнамъ его дома, его фамиліные гербы—все ничто, если онъ даетъ своимъ единственно быкамъ, которыхъ стадами отправляетъ изъ своего

имѣнія на продажу. Въ прошедшія войны много погибло шляхетства; надобно замѣнить убитыхъ; чѣмъ давать шляхетство за деньги, гораздо справедливѣе даровать его козакамъ въ награду за возвращеніе ихъ къ отечеству и за присоединеніе Украины къ Рѣчи-Посполитой, и черезъ то мы утвердимъ въ нихъ любовь къ общему отечеству. Намъ слѣдуетъ даровать какъ-можно-болѣе свободы козакамъ, чтобъ расположить ихъ къ себѣ. — Нечего бояться образованія Княжества Русскаго: сохраняя свое правильное устройство, подобное великому княжеству Литовскому, оно всегда останется частью Рѣчи-Посполитой. Чтоже касается до прежнихъ мятежей, которые козаки поднимали противъ насъ, то надобно все приписать божію наказанію надъ нами и все покрыть полною амнистіею.»

Тогда нѣкоторые шляхтичи съ большимъ жаромъ говорили за козаковъ. «Вотъ,» говорили они, «сбывается предреченіе Стефана Баторія, который говорилъ, что изъ этихъ удалцовъ—козаковъ со временемъ образуется вольная Рѣчь-Посполитая. Козаки никому не кланялись, не выпрашивали шляхетства черезъ поклоны придворнымъ, а добывають его мужественнымъ сердцемъ и саблею. Что за бѣда, что они были мужики, а теперь шляхтичи? Вѣдь и Македоняне были грубые долопы, и Римляне возникли изъ пастуховъ, и Турки изъ разбойниковъ, и наши Поляки прежде не были шляхтичи, а пріобрѣли шляхетское достоинство кровью и отвагою ⁽¹⁾.» При этомъ шляхтичи въ утѣшеніе себѣ приводили на память пѣсенку, сочиненную въ Англіи въ XIV вѣкѣ и потомъ распространившуюся въ Польшѣ: «когда Адамъ копалъ землю, а Ева пряла,—никто никому не служилъ, никто никого не называлъ холопомъ ⁽²⁾.»

Были даже такія, полныя сознанія, рѣчи:

«Не козаки нарушили союзъ, а мы. Гордость наша виновата. Мы съ ними обращались безчеловѣчно. Мы не только унижали ихъ предъ собою, но предъ челоуѣчествомъ; мы не только лишали ихъ правъ, которыя были ихъ достояніемъ, но отнимали у нихъ естественныя права. Вотъ Господь Богъ и показалъ намъ, что и они люди какъ и другіе, и достойно покаралъ наше высокомеріе. Они болѣе заслуживаютъ нашего уваженія, чѣмъ тѣ, которые раболопно отдаются ко-

(1) Лѣтоп. малор.—Лѣт. Велич. I, 337—338.

(2) Hist. panow. Jana Kaz. II, 28.

Jak Ewa kądziel przędła, Adam ziemię kopał—
Nikt nikomu nie służył, ani kogo chłopał.

ролю и чужому государству, не думая расширять свою свободу. Козаки упорно предпочитают лучше погибнуть и исчезнуть, чѣмъ торжествовать безъ свободы. Мы ниже ихъ: они сражались съ нами за свободу, а мы — за безсильное господство!»

Требованіе уничтоженія уніи въ томъ видѣ, какъ хотѣли козаки, не нашло поборниковъ даже между самыми отъявленными защитниками вѣротерпимости и полной свободы совѣсти. Одобрѣя прежнее обращеніе Поляковъ съ протестантскимъ ученіемъ, когда представлялась полная гражданская свобода всѣмъ, независимо отъ вѣрованія, либеральные депутаты говорили:

«Все это относится до еретиковъ, — не относится до Руси. Греческіе обряды, различные отъ римскихъ, не противны религіи, коль скоро догматы вѣры правильны и неизмѣнны. Но уничтоженіе уніи будетъ уже насиліе нашей собственной совѣсти. Унія есть та же католическая вѣра, только съ своими обрядами: какъ же намъ осуждать религію, которую сами исповѣдуемъ? Это было бы крайнее неразуміе, зло и настоящая ересь; это значитъ признавать приговоръ незаконія надъ собою. Уничтожить унію есть дѣло несомнѣнное съ совѣстью, и нѣтъ никакого способа поставить его такъ, чтобы наша совѣсть осталась спокойна. Конечно, никакъ не слѣдуетъ присоединять греческаго обряда къ римскому; пусть патріархъ, какъ и прежде, править русскою церковью, лишь бы догматы вѣры были неизмѣнны; а зависимость приговоровъ отъ единой главы не выдумана римскою гордостью, какъ нѣкоторые говорятъ: это разуміе, установленное отъ самого Бога. Нельзя назвать вселенскою церковью ту, которая зависитъ отъ произвола церковныхъ властей. Слѣдуетъ существовать соборамъ, а рѣшеніе и зависимость исходить отъ одного лица: иначе церковь распадется на различныя ученія. Впрочемъ, этотъ вопросъ слѣдуетъ предоставить богословамъ на ихъ конференціи (1).»

Среди разнородныхъ толковъ и споровъ на сеймѣ, возвысился тогда предъ сенаторами свой голосъ Казимиръ Бенѣвскій, котораго тогда сильно порицали за гадячскій договоръ.

«Козаковъ,» говорилъ онъ, «такое множество, и такъ они сильны, что надобно радоваться, если они, на какихъ бы то ни было условіяхъ, присоединяются къ Рѣчи-Посполитой; раздражить ихъ въ на-

(1) Польск. ркп. И. П. Б., отд. II, № 13.

стоящее время, какъ дѣлали мы прежде, будетъ величайшимъ безуміемъ; вы сами знаете, въ какомъ теперь состояніи Рѣчь-Посполитая: съ одной стороны намъ угрожаютъ Шведы, съ другой — Москали; въ нашемъ положеніи, противиться требованіямъ козаковъ значило бы самимъ отвергать помощь, когда она намъ добровольно предлагается. Надобно сначала ласкать козаковъ, и современемъ, когда они обживутся съ нами, чины Рѣчи-Посполитой могутъ измѣнить все на старый ладъ. Чтѣ жъ такое уничтоженіе униі? Неужели вы думаете, что козаки большіе богословы и апостолы? Мы теперь должны согласиться для вида на уничтоженіе униі, чтобъ ихъ приманить этимъ; а потомъ... объявится свобода греческаго вѣроисповѣданія, отдадутся благочестивымъ церкви и имѣнія, отобранныя униатами — это ихъ успокоитъ; потомъ мы создадимъ законъ, что каждый можетъ вѣрить, какъ ему угодно: — вотъ и униа останется въ цѣлости. Отдѣленіе Руси въ видѣ особаго княжества будетъ тоже не надолго: козаки, которые теперь думаютъ объ этомъ, перемрутъ, а наследники ихъ не такъ горячо будутъ дорожить этимъ, и мало по малу все приметъ прежній видъ.»

Пренія успокоились отъ убѣжденій чловѣка, который самъ заключилъ трактатъ, и самъ теперь представляетъ въ будущемъ надежду нарушить его. Сдѣлали нѣкоторыя смягченія по вопросу объ уничтоженіи униі, отвергли присоединеніе остальныхъ воеводствъ къ великому княжеству Русскому, и отправили къ Выговскому. Мы не знаемъ этихъ измѣненій, ни вообще относительно вопроса объ униі; они касались, вѣроятно, только подробностей, ибо статья уничтоженія осталась въ договорѣ. Король самъ писалъ очень любезное письмо къ гетману. Тотъ послалъ свое согласіе, и 6 мая послалъ гонца къ королю, и приказалъ ему ѣхать скоро днемъ и ночью. Гетманъ просилъ какъ-можно-скорѣе утвердить договоръ и прислать обратно депутатовъ для спокойствія края.

Обѣ Избы утверждали договоръ въ полной увѣренности, что это дѣлается для приманки русскаго народа: представители Рѣчи-Посполитой утѣшали себя тѣмъ, что будутъ имѣть возможность нарушить его.

XV.

По утвержденіи договора на сеймѣ, назначили день торжественной присяги. Это событіе происходило 22 мая. Въ сенаторской Избѣ, посреди всѣхъ собранныхъ духовныхъ и свѣтскихъ членовъ сената и всѣхъ пословъ Рѣчи-Посполитой, приготовленъ былъ великолѣпный

тронъ. Собрались члены застѣданія; въ одиннадцатомъ часу утра явился король и сѣлъ на тронъ. Тогда позвали пословъ Великаго Княжества Русскаго. Они вошли въ парадной процессіи и стали въ рядъ. Канцлеръ коронный во имя короля и Рѣчи-Посполитой проговорилъ красно-сложенную рѣчь: объявлялъ козакамъ и русскому народу совершенное прощеніе и примиреніе, и извѣщалъ, что его величество король соизволилъ утвердить гадяскій договоръ, заключенный Бенѣвскимъ 16 сентября 1658 года. По окончаніи этой рѣчи, примасъ королевства, гнѣзненскій архіепископъ, всталъ съ своего мѣста и подалъ королю написанную присягу. Положа два пальца на евангеліе, Іоаннъ-Казиміръ проговорилъ ее слѣдующимъ образомъ:

«Я, Іоаннъ-Казиміръ, милостію Божіею король польскій, великій князь литовскій, русскій, прусскій, мазовецкій, кіевскій, жмудскій, волинскій, лифляндскій, смоленскій, черниговскій, шведскій, готскій и вандалскій наслѣдственный король, присягаю Господу Богу всемогущему, въ Троицѣ святой сущему, единому, предъ святымъ его евангеліемъ въ томъ, что я принимаю и утверждаю договоръ, заключенный, отъ имени нашего и отъ имени всей Рѣчи-Посполитой, съ Войскомъ Запорожскимъ, и обещаю сохранять и исполнять и оберегать этотъ договоръ, ни въ чемъ его не уменьшая, но всячески предохраняя отъ какого бы то ни было измѣненія. Никакія привилегіи, древнія и новыя, никакія сеймовыя конституціи, какъ прошлыя, такъ и будущія, никакія уловки и толкованія никогда во вѣки не будутъ вредить этому договору и всѣмъ пунктамъ его, заключающимъ права и преимущества греческой религіи Великаго Княжества Русскаго и народной свободы. Я и наслѣдники мои обязываемся королевскою присягою хранить этотъ договоръ ненарушимо и неприкосновенно на вѣчные вѣки и оказывать справедливость жителямъ Великаго Княжества Русскаго безо всякой проволочки и лицепрятія, по ихъ правамъ и обычаямъ; и еслибъ я, сохрани Боже, нарушилъ эту мою присягу, то народъ русскій не долженъ мнѣ оказывать никакой покорности: такимъ поступкомъ я увольняю его отъ достодолжнаго повиновенія и вѣрности, причемъ обещаюсь не требовать и ни отъ кого не принимать разрѣшенія этой моей присяги. Да поможетъ мнѣ Господь Богъ и святое его евангеліе. Аминь.»

За королемъ присягали отъ лица всего римско-католическаго духовенства архіепископъ гнѣзненскій — примасъ духовенства въ королевствѣ Польскомъ, и епископъ виленскій — главное духовное лицо

въ великомъ княжествѣ Литовскомъ. Архіепископу гнѣзненскому читалъ присягу канцлеръ. «Клянусь,» гласила присяга, «что ни я, ни преемники мои не станемъ нарушать ни въ чемъ гадячской комиссіи и не будемъ допускать къ нарушенію оной ни его королевское величество, ни кого бы то ни было въ королевствѣ Польскомъ и великомъ княжествѣ Литовскомъ, ни явными, ни тайными средствами, ни протестаціями, ни клятвами, ни порицаніями.»

Присягнули гетманы коронный и литовскій за все войско. «Объщаемся,» говорили они, «не нарушать гадячской комиссіи и не допускать къ нарушенію ни совѣтомъ нашимъ, ни войскомъ, и если бы кто хотѣлъ ее нарушить, того мы обязываемся укротить войскомъ нашимъ.»

Присягали канцлеры и подканцлеры королевства Польскаго и великаго княжества Литовскаго. «Обязываемся,» говорили они, «никакихъ грамотъ, указовъ, привилегій, завѣщаній, противныхъ гадячской комиссіи, заключенной съ Войскомъ Запорожскимъ и совѣмъ народомъ русскимъ, не выпускать и не позволять выпускать изъ нашихъ канцелярій.»

Присягнулъ Янъ Гнѣзскій, маршалъ Посольской Избы, отъ лица всѣхъ представителей Рѣчи-Посполитой. «Мы и наслѣдники наши,» говорилъ онъ, «обязываемся и присягаемъ хранить гадячскую комиссію, заключенную именемъ короля и всей Рѣчи-Посполитой съ Войскомъ Запорожскимъ и со всѣмъ народомъ русскимъ, ни въ чемъ ее не нарушать и всегда препятствовать нарушать оную; равнымъ-образомъ, не требовать ни отъ кого и не принимать разрѣшенія нашей присяги.»

По окончаніи присяги всѣхъ чиновъ Рѣчи-Посполитой, слѣдовала присяга со стороны представителей Великаго Княжества Русскаго. Кіевскій митрополитъ принесъ евангеліе, окованное золотомъ, и распятіе, и положилъ на столѣ. Начальные люди изъ козацкихъ пословъ приносили присягу сначала по одиночкѣ, поднявъ вверхъ пальцы, и по окончаніи рѣчи цѣловали евангеліе; потомъ, по два человѣка разомъ, присягали—атаманы, эсаулы и сотники; а наконецъ, когда эта церемонія показалась слишкомъ длинною, всѣ остальные стали на колѣни и подняли вверхъ два пальца. Генеральный писарь, Груша, читалъ за всѣхъ присягу и, по окончаніи, всѣ цѣловали евангеліе и крестъ. Присяга русскихъ пословъ была такова:

«Мы, послы русской націи, отъ имени ея присягаемъ Богу всемогущему, во святой Троицѣ сущему, въ томъ, что отъ сихъ поръ мы пребудемъ вѣрны его величеству государю своему Іоанну-Казимиру,

королю польскому и шведскому и великому князю литовскому, и его законнымъ наслѣдникамъ и польской Рѣчи-Посполитой, общаемъ во всякое время охранять ихъ своимъ тѣломъ, кровію, жизнью и имуществомъ противъ всякаго врага, при всякомъ случаѣ; отрекаемся отъ всякихъ союзовъ, прежде нами заключенныхъ съ иными, и отъ сношенія съ чужими государствами, особливо съ царемъ московскимъ; общаемъ не принимать и не посылать посланниковъ и ни съ кѣмъ не переписываться безъ вѣдома его величества или наслѣдниковъ его всей Рѣчи-Посполитой; въ случаѣ безкоролевья, участвовать въ избраніи королей кущо со всею Рѣчью-Посполитою и ничего не постановлять безъ позволенія Рѣчи-Посполитой; не начинать бунтовъ, но укрощать всякое малѣйшее покушеніе къ онымъ, коль скоро оно сдѣлается намъ извѣстнымъ; во всемъ сообразоваться съ волею его величества и Рѣчи-Посполитой и споспѣшествовать всему, что къ пользѣ его величества и цѣлой короны польской служить можетъ. Если же, сохрани Богъ, кто-нибудь изъ насъ дерзко станетъ дѣйствовать вопреки сему, то мы свидѣтельствуемъ предъ Богомъ, что насъ никто отъ этого грѣха разрѣшить не можетъ, ни патріархъ, ни митрополитъ, ни другое какое-либо лицо.»

Въ другомъ экземплярѣ, подробнѣйшемъ, и вѣроятно, написанномъ уже послѣ обряда, конецъ этой присяги таковъ: «Если же мы, съ гетманомъ и со всею Войскою Запорожскимъ, кромѣ бунтовщиковъ, которыхъ общаемся истреблять, окажемся противными гадяческой комиссіи, то теряемъ все права и вольности, намъ данныя.»

По окончаніи присяги послы были допущены къ королевской рукѣ, и все собраніе торжественнымъ шествіемъ отправилось въ церковь св. Іоанна, гдѣ отправлено было благодарственное богослуженіе. Едва только хоръ окончилъ «Te Deum laudamus», какъ въ то же мгновеніе пошелъ дождь; «этотъ дождь,» говоритъ современникъ, «былъ теплый и плодотворный дождь, и вслѣдъ за нимъ послѣдовала прекрасная, свѣжая погода. Поляки принимали это явленіе за счастливое прообразованіе: какъ этотъ дождь приносить свѣжесть и плодородіе, такъ возстановленный миръ да обогатитъ благословеніемъ и даруетъ процвѣтаніе Рѣчи-Посполитой!»

Послѣ того, знатнѣйшіе сановники приглашали пословъ Великаго Княжества Русскаго на пиршества, принимали ихъ съ знаками любви и уваженія; козаки показывали большую привязанность къ королю и Рѣчи-Посполитой. «Мы теперь желаемъ одного,» — говорили они, —

«чтобъ насъ послали противъ Москалей или Шведовъ, дабы доказать, какъ охотно готовы мы принести свою жизнь за его величество. Въ—случаѣ, если Шведъ откажется заключить честный миръ, мы съ большими силами вторгнемся въ Ливонію, даже въ сердце самой Швеции, чтобъ возвратитъ нашему государю права, данныя ему Богомъ и справедливостію.» Они, дѣйствительно, отправили грека Θεοδοσία въ Швецію съ извѣстіемъ, отъ имени всей русской націи, что русская нація заключила съ королемъ и Рѣчью—Посполитою вѣчный миръ, и поэтому не только должны прекратиться всѣ прежніе договоры съ Швеціею, но если шведскій король не вознаградитъ польскаго короля за всѣ потери, которыя нанесъ ему во время войны, то они вторгнутся въ Швецію и въ принадлежащія ей земли (1).

Такъ совершилось это громкое и—безплодное дѣло. Король и чины Рѣчи-Посполитой произносили свою страшную присягу въ полной увѣренности, что измѣнять ей. Козаки, несмотря на свои увѣренія, мало въ сущности подавали надежды: если они за пять лѣтъ передъ тѣмъ присягали въ вѣрности московскому государю, а теперь присягали королю, то и послѣдняя присяга ихъ могла подвергнуться участи первой. Прибывшіе козаки произведены были въ шляхтичи, но навѣрно не всѣ, ибо о Носачѣ послѣ говорено было, что онъ остался неудовольствованъ, въ то время, когда давали дворянство слугамъ Выговскаго (2). Тогда же Поляки съ неудовольствіемъ замѣтили, какъ одинъ какой—то весельчакъ, изъ произведенныхъ въ шляхтичи, спросилъ своего товарища:

— А что, братъ, не сдѣлалась ли тѣнь моя больше, когда я сталъ дворяниномъ (3)?

Обласканные, они возвратились въ свое Великое Княжество Русское, и Великое Княжество Русское пало при самомъ своемъ основаніи.

XVI.

Мы уже видѣли, какъ много было враговъ у Выговскаго и его партіи, и какъ удобно могли они найти себѣ опору въ народной массѣ. Гадячскій трактатъ грозилъ Украинѣ утвержденіемъ шляхетскаго

(1) *Umständliche Relation.* — Присяги при спискахъ гадячскаго договора.

(2) *Пам. Киев. комм.* III, 3. 427.

(3) *Ann. Pol. Cl.* II, 394.

порядка, ненавистнаго черни. То, чего народъ такъ боялся, теперь совершалось. Еще смыслъ новозаключеннаго союза съ Польшею не былъ вполне извѣстенъ народной массѣ; но для народа было уже достаточно того, что Украина соединялась съ Польшею: это соединеніе, въ какой бы формѣ оно ни являлось, было ненавистно при слишкомъ свѣжихъ воспоминаніяхъ о прошедшемъ.

По возвращеніи изъ Варшавы, Немиричъ принялъ начальство надъ *затяжнымъ* войскомъ, и разставилъ его въ Нѣжинѣ, Черниговѣ, Борзні и другихъ мѣстахъ. *Консистенція* (квартированіе) затяжнаго войска всегда была самымъ тягостнымъ для народа обстоятельствомъ и одною изъ важнѣйшихъ причинъ ненависти къ польскому владычеству. Народъ, не зная и не понимая сущности договора съ Польшею, видѣлъ въ этомъ появленіи войска въ Украинѣ возвращеніе къ старымъ временамъ. Легко могли тогда воспользоваться недовольствомъ народа враги Выговскаго и честолюбцы, увидавшіе въ его низверженіи возможность подняться самимъ. Протопопъ Филимоновъ усилилъ свою работу. Въ Нѣжинѣ присталъ къ нему Василій Золотаренко, шурина Богдана Хмельницкаго. Онъ надѣялся сдѣлаться гетманомъ. Въ Переяславѣ, полковнику Тимофееву Цюцюрѣ пришла тоже мысль достичь гетманства услугами московскому правительству. Двѣ соперничающія стороны на-время дѣйствовали, пока, заодно. Между-тѣмъ, другіе внушили Юрію Хмельницкому притязаніе искать гетманства, какъ своего права, уже дарованнаго ему народомъ на радѣ. Юрій отправилъ слугу своего отца, Ивана Мартыновича Бруховецкаго, въ Запорожье: храбрый Иванъ Сѣрко, Кальницкій полковникъ, бывший въ Сѣчѣ, принялъ его сторону, и Сѣчь провозгласила его гетманомъ. Сѣрко съ Запорожцами шелъ на города, призывая подъ свои знамена козаковъ имени Хмельницкаго. Цюцюра, чтобъ выслужиться скорѣе, рѣшился на смѣлое дѣло: въ послѣднихъ числахъ августа, онъ началъ призывать къ себѣ значныхъ козаковъ Переяславскихъ, сотника Стефана Северина, нѣкоторыхъ изъ знатныхъ и богатыхъ фамилій, каковы были—Сулимы, Лободы и другія. Каждого призывалъ онъ по-одначкѣ и склонялъ ихъ принять сторону Москалей и пригласить князя Трубецкаго съ войскомъ; каждый отвергалъ предложенія, и каждого Цюцюра приказывалъ связывать и потомъ убивать. Такъ погибалъ каждый, добровольно приходя на смерть, не зная, что сдѣлалось съ тѣмъ, кто являлся къ Цюцюрѣ прежде. Гонецъ поскакалъ къ Трубецкому съ извѣстіемъ, что враги царя истре-

блены, и съ просьбою скорѣе двинуться къ Переяславу. 4 сентября присланы были изъ Переяслава отъ Цюцоры козаки въ Нѣжинъ. Въ городѣ стояли затыжные жолнеры; полковника Гуляницкаго не было въ городѣ. Золотеренко, вмѣсто его начальствовавшій въ Нѣжинѣ, оставилъ ворота безъ стражи; козаки вошли ночью, и крикнули: *бийте Ляхівъ!* Посполитые пристали къ козакамъ, и въ теченіе одного часа перебили всѣхъ жолнеровъ безъ разбора: пять *хоругвей* ихъ погибло, говорить современникъ; никого не щадило посполство, потому—что не хотѣло давать *стациі* (содержанія) жолнерамъ. По примѣру Нѣжина, и въ другихъ сосѣднихъ городахъ и мѣстечкахъ начали избивать жолнеровъ. Ихъ *рейментарь* — Немиричъ бѣжалъ; козаки поймали его за Кобизчею, близъ села Свѣдовца, и изрубили въ куски.

Выговскій, услыхавъ о возмущеніи, убѣжалъ изъ Чигирина, по собственнымъ словамъ его, верхомъ, въ одной *сукманкѣ* ⁽¹⁾, и назначилъ раду подъ Германовкою ⁽²⁾. Онъ приказалъ Верещака и Сулимъ читать предъ собраніемъ Гадячскій договоръ, и собирався объяснить выгоды, какія получить отъ этого отечество, и разсѣять возникшіе толки. Но въ собраніи поднялся шумъ и крикъ. Обвиняли гетмана за разореніе мѣстечекъ и селъ на лѣвой сторонѣ Днѣпра, за жестокія казни надъ своими врагами; нѣкоторые говорили, что гетманъ продаетъ Украину крымскому хану и хочетъ возстановить Астраханское царство; укоряли его, что онъ оклеветалъ московскаго государя и взвелъ на него такіе умыслы, о которыхъ царь и не думалъ ⁽³⁾. Многихъ пугала возрастающая власть Выговскаго, который, изъ избраннаго и зависящаго отъ собранія предводителя, дѣлался воеводою и княземъ русскимъ ⁽⁴⁾. Его возвышеніе вооружало противъ него и старшинъ, прежнихъ соучастниковъ его замысловъ,—однихъ—по зависти, другихъ—по причинѣ личнаго его высокомерія и вражды: такимъ—образомъ, онъ раздражилъ Носача, который былъ хуже другихъ вознагражденъ на сеймѣ; раздражилъ Ковалевскаго, умышляя тайно на жизнь его въ Чигиринѣ ⁽⁵⁾. Но болѣе всего вооружились противъ Гадяческаго договора козаки, не попавшіе въ дворянство

⁽¹⁾ Пам. кievск. комм. III, 323.

⁽²⁾ Пам. кievск. комм. III, 377.

⁽³⁾ Лѣт. малоросс.

⁽⁴⁾ Пам. кievск. ком. III, 423.

⁽⁵⁾ Пам. кievск. ком. III, 3, 430.

и завидовавшіе тѣмъ, которые получили его ⁽¹⁾. Они были увѣрены прежде, что Гадячскій договоръ дастъ имъ всѣмъ шляхетское право, но потомъ увидѣли, что только немногимъ оно досталось, по произволу гетмана, и для того, чтобъ властвовать надъ остальными. Рада превратилась въ неистовую междоусобную драку. Верещака и Сулима были изрублены въ куски; самъ Выговскій избѣжалъ смерти, оттого, что его закрыло наемное войско — польскій отрядъ въ тысячу человекъ, убѣжавшій вмѣстѣ съ нимъ изъ разъяреннаго собранія. «И бѣжалъ онъ», — говоритъ украинскій лѣтописецъ, — «какъ бѣжитъ обожженный изъ пожара».

XVII.

Нѣкоторые пріятели совѣтовали Выговскому бѣжать въ степь къ хану. Посланникъ турецкій предъ тѣмъ только пріѣзжалъ къ нему, съ готовностью, отъ имени Порты, защищать его и толковалъ, что Турція давно уже имѣетъ право на Украину, потому-что одиннадцать лѣтъ охраняетъ ее своимъ оружіемъ отъ разныхъ непріятелей. Выговскій отвергъ это предложеніе, несмотря на то, что жена его находилась въ Чигиринѣ, и вмѣстѣ съ Андреемъ Потоцкимъ, отправился въ Бѣлую-Церковь.

Толпа козаковъ послѣдовала за нимъ, и недалеко отъ Бѣлой-Церкви, въ Взинь, собралась снова рада. На этой радѣ Выговскій былъ отрѣшенъ отъ гетманства и гетманомъ провозглашенъ Юрій Хмельницкій. Къ Выговскому явились посланцы и требовали, чтобъ онъ пріѣхалъ на раду и торжественно сложилъ булаву. Выговскій не поѣхалъ. Тогда снова явились къ нему каневскій полковникъ Лизогубъ и миргородскій-Львеницкій и требовали, чтобы Выговскій, если самъ не хочетъ ѣхать, то прислалъ бунчукъ и булаву. При этомъ они обратились къ начальнику вспомогательныхъ польскихъ войскъ, Андрею Потоцкому, просили его склонить гетмана и увѣрили, что Войско Запорожское желаетъ оставаться въ вѣрности и подданствѣ короля. Выговскій еще сопротивлялся, но разсудилъ, что противъ воли цѣлаго козачества нельзя удерживаться, и сказалъ: «Я отдаю бунчукъ и булаву, но съ тѣмъ условіемъ, что Войско Запорожское останется въ непоколебимой вѣрности королю».

Полковники обѣщали.

(1) Hist. pan. Jana Kaz. II, 483, 102.

Выговскій вручилъ свою булаву и бунчукъ брату своему, Данилу, и вмѣстѣ съ послами отправилъ его на раду.

Андрей Потоцкій послалъ съ ними польскаго полковника, Корчевскаго, съ тремя пунктами: во-первыхъ, чтобъ козаки дали присягу въ вѣрности королю, чтобъ ввели дворянство въ имѣнія и выпустили жену Выговскаго и другихъ людей, находящихся въ Чигиринѣ, для чего дали бы заложниковъ въ вѣрности.

На дорогѣ, эти послы встрѣтили козацкое войско. Козаки грозили силою схватить Выговскаго, показывали длинное обвиненіе, написанное на радѣ, и требовали, чтобъ Поляки его оставили. «Каждый изъ насъ»,—отвѣчалъ Корчевскій,—«лучше радъ—и не разъ, а нѣсколько разъ — умереть, нежели постыдно оставить усерднаго слугу короля».

Но козаки успокоились, когда узнали, что Выговскій добровольно отказывается отъ гетманства. Бунчукъ и булава положены были на радѣ.

Козаки радостными окликами провозгласили Юрія Хмельницкаго гетманомъ.

Взявши булаву, Юрій спросилъ: — кого желаете признать государемъ: — польскаго короля или московскаго царя? —

Старшины и простые козаки закричали, что они желаютъ короля. Но на этой радѣ было немногочисленное собраніе: черезъ нѣсколько дней оказалось, что большинство было вовсе не на сторонѣ короля.

«Благодарю васъ за вѣрность,» — сказалъ Корчевскій, и подаль имъ другіе два пункта.

На выпускъ жены Выговскаго козаки согласились. Чтоже касается до требованія ввести шляхту въ имѣнія, то они — говорятъ Андрей Потоцкій въ своемъ донесеніи — отложили разсужденіе объ этомъ на дальнѣйшее время, а исполненіе будетъ развѣ въ день судный.

По окончаніи рады, обозный Носачъ, полковники Гуляницкій и Дорошенко, прибыли въ Бѣлую Церковь и дали Выговскому подписку гетмана и всѣхъ старшинъ въ томъ, что они доставятъ ему жену и поляковъ изъ Чигирина (¹).

(¹) Пам. Кіевск. Комм. III. 3. 378—382.

Такъ окончилось гетманство Выговскаго; съ нимъ кончилось и Великое Княжество Русское. И Украинцы и Поляки были не въ состояніи — первые — понять этотъ плодъ созданія головъ, стоявшихъ не въ уровнѣ съ народомъ, вторые — съ честію и прямою сохранить данное слово.

Эти междоусобныя смуты разстроили Украину нравственно и физически. «Сила козаковъ ослабѣла въ буряхъ междоусобныхъ», — писалъ Выговскій къ королю ⁽¹⁾: «громаднѣйшіе полки: Полтавскій, гдѣ было сорокъ тысячъ населенія, Миргородскій, гдѣ было тридцать тысячъ, Прилуцкій и Иркѣвскій, погибли въ конецъ; города и села заростають крапивою. Здѣсь страшное вавилонское столпотвореніе, — говоритъ Полякъ современникъ, описывая междоусобія при Выговскомъ ⁽²⁾: мѣстечко воюетъ противъ мѣстечка, сынъ грабитъ отца, отецъ — сына. Цѣль ихъ — чтобы не быть ни подъ властію короля, ни подъ властію царя; и они думаютъ этого достигнуть — ссоря и страшая короля — царемъ, а царя — королемъ. Благоразумнѣйшіе молятъ Бога, чтобъ кто нибудь — король ли, царь ли — скорѣе забралъ ихъ въ крѣпкія руки, и не допускалъ безумной черни своевольничать.»

Н. Костомаровъ.

Январь 1861.

⁽¹⁾ Пам. Кіевск. Ком., III. З. 403.

⁽²⁾ Пам. Кіевск. Ком., III. З. 302, 300.